

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

31 августа 2016 г.

№ 193

8 ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Человечество, организуясь и дерзнув восстать против природной стихии, способно обрести и вечный создающий огонь, и власть творить богов, и бессмертие

15 ПАВЕЛ I КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ — 2

Павлу противостоял настолько обширный заговор, что возникает мысль о глубоком неприятии грандиозных павловских реформ большей частью элиты России

Берия действительно работал в контрразведке у мусаватистов, где помимо прочего занимался проведением арестов и обысков. Однако «внедрение» Берии было инициировано и согласовано большевиками...

Технология переворота: обвинение Берии в связи с мусаватистской контрразведкой

Помимо обвинения в захвате власти, ликвидации советского строя и реставрации капитализма, одним из основных обвинений против Берии была его «тайная связь» с мусаватистской контрразведкой в Азербайджане, через которую он, по версии следствия, был связан с английской разведкой. Касательно данного пункта обвинения в приговоре суда содержится следующее:

«Установлено, что тайные связи с иностранными разведками Берия завязал еще в 1919 году, когда, находясь в Баку, он совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в контрразведку мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов. Как агент мусаватистской контрразведки, Берия вел активную борьбу с революционным рабочим движением в Азербайджане. В 1920 г. Берия, находясь в Грузии, вновь совершил изменнический акт, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

Во все последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками.

Суд установил, что начало преступной изменнической деятельности Берия относится еще ко времени гражданской войны. На протяжении многих лет Берия и его соучастники тщательно скрывали свою вражескую деятельность».

Прежде чем переходить к анализу фактов и свидетельств по этому пункту приговора,

необходимо разобраться с политической ситуацией в Азербайджане в данный период времени. В своих воспоминаниях Анастас Микоян, который еще до Октябрьской революции был активным деятелем революционного движения на Кавказе, очень подробно описывает политическую ситуацию в Закавказье. После Февральской революции 1917 года в Баку, столице Азербайджана, помимо общероссийских партий было несколько националистических, которые перечислены ниже.

«Гуммет»

«Гуммет» (от азербайджанского *hümmət* — «энергия») — азербайджанская организация социал-демократов, примыкавшая к большевикам. В Большой советской энциклопедии можно найти следующее описание этой организации:

«Гуммет» («Энергия») — социал-демократическая группа, организованная по инициативе И. В. Сталина в 1904 для политической работы среди трудящихся Азербайджана. Возглавляли «Гуммет» ученики и соратники И. В. Сталина — Мешади Азизбеков, Алаша Джапаридзе, Ханлар Сафаралиев, Мамед Мамедьяров и другие. «Гуммет» работала под руководством Бакинского комитета РСДРП на правах районного комитета партии. «Гуммет» помогала сплачивать вокруг большевистской организации широкие массы азербайджанских рабочих, вела среди них большую агитационную, пропагандистскую и организационную работу, отстаивая принципы пролетарского интернационализма. <...>

Встревоженные успехами работы большевиков, царские сафраны и нефтепромышленники организовали убийства активных деятелей «Гуммет». <...>

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

1 6 1 9 3

9 772500 033000 >

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1

«Гуммет» не была однородна по своему составу. Большевики вели борьбу против проникших в «Гуммет» националистически настроенных элементов. После Февральской революции «Гуммет» возобновила свою работу под руководством М. Азизбекова. На VI съезде партии (1917) стоял вопрос о работе «Гуммет». Съезд приветствовал «Гуммет» как первую социал-демократическую организацию большевистского направления среди азербайджанских трудящихся. VI съезд предложил Центральному Комитету партии оказывать «Гуммету» материальную и всякую иную поддержку. Летом 1919 «Гуммет» раскололась. Небольшая часть «Гуммет», скатившаяся на враждебные пролетариату позиции, примкнула к меньшевикам, большевистская часть «Гуммет» была принята в КП(б) Азербайджана».

Стоит обратить внимание, что при создании данной статьи в БСЭ была использована книга Мир Джафара Багирова «Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана», вышедшая в 1949 году, о чем составители БСЭ пишут в конце статьи. Упоминание Сталина как создателя «Гуммет», вероятнее всего, идет именно из книги Багирова. При этом интересно отметить, что в материалах допроса Берии нет упоминания Сталина как создателя «Гуммет». Прокурор Руденко, который допрашивал Берия, не мог не знать про описание «Гуммет» из тринадцатого тома БСЭ, который вышел в 1952 году. Однако, согласно протоколам допроса, ни Руденко, ни Берия не упоминают Сталина в качестве создателя «Гуммет», от которой Берия, согласно официальной автобиографии, получил задание на работу в мусаватистской контрразведке.

Стоит отметить, что Анастас Микоян в своих мемуарах также не упоминает Сталина в качестве создателя «Гуммет». При этом нужно учитывать, что мемуары Микояна в целом имеют явный антисталинский характер и пытаются максимальным образом переложить всю ответственность за события 30–50-х годов в СССР лично на Сталина. И, хотя вопросы о том, имеет ли лично Сталин отношение к созданию «Гуммет» и почему он упоминается в этом ключе в БСЭ, не связаны напрямую с исследованием в рамках данной работы, они представляются интересными для более подробного изучения.

«Адалет»

«Адалет» или «Адалят» (в переводе с персидского — «справедливость») — социал-демократическая организация иранских рабочих. В Большой советской энциклопедии можно найти следующее описание этой организации:

«Адалет, социал-демократическая организация иранских рабочих. Начало ее созданию было положено по решению Бакинского комитета РСДРП Б. Агаевым, Б. Агасиевым, М. Алекперовым, Г. Б. Гаджиевым, А. Гафар-заде, К. Садык-заде, А. Юсиф-заде и другими для рабочих среди рабочих — выходцев из Иранского Азербайджана. Оформилась как организация в мае 1917 года. «Адалет» действовала в Азербайджане, некоторых городах Средней Азии, Астрахани, на территории Ирана. С июня 1917 года издавалась в Баку на азербайджанском и на фарси языках газета «Байраги адалет» («Знамя справедливости»). Руководящие деятели «Адалет» входили в Бакинский и Кавказский краевой комитеты большевиков. В 1920 году организации «Адалет» на территории России слились с местными коммунистическими организациями [Бакинской организацией РКП(б) и коммунистической организацией «Гуммет»].

На территории Ирана (главным образом в Тебризе, Тегеране, Реште, Энзели

Лаврентий Берия. 1920-е

и других городах) к 1920 году существовали организации «Адалет», в которые входили рабочие, ремесленники и мелкая городская буржуазия. Основные требования этих организаций (опубликованы в марте 1920 года): борьба с английским империализмом, шахским правительством, феодалами и передача земель крестьянам. В апреле-мае 1920 года в связи с подъемом национально-освободительного движения организации «Адалет» легализовались в Иранском Азербайджане и Гиляне. На I-м съезде (22–24 июня 1920 в Энзели) иранские организации «Адалет» объединились в Иранскую коммунистическую партию».

Как видно из текста статьи, в 1920 году «Адалет» слилась с «Гуммет» и Бакинской организацией РКП(б). Интересно отметить, что в своих мемуарах Анастас Микоян указывает, что в 1919 году еще не было единого решения о слиянии этих трех организаций в одну. В частности, Микоян приводит свой разговор с Лениным, в котором он сообщает Ленину, что, несмотря на решение ЦК от 1919 года, согласно которому «Гуммет» признавалась самостоятельной Коммунистической партией Азербайджана с правами областного комитета партии, представители всех коммунистических организаций [«Адалет», «Гуммет» и РКП(б)] пришли к выводу, что нужно иметь единую коммунистическую организацию вне зависимости от национальной принадлежности. Как утверждает Микоян, выделение «Гуммет» как отдельной организации азербайджанских коммунистов было идеей Сталина, которую Ленин вначале (в 1919 году) поддержал, а затем в 1920 году отверг, поддержав идею, продвигаемую Микояном.

«Мусават»

«Мусават» (от азербайджанского mīsavat — «равенство») — азербайджанская националистическая партия буржуазии и помещиков Азербайджана. Большая советская энциклопедия (БСЭ) дает следующее описание этой партии:

«Мусават» («Равенство») — контрреволюционная буржуазно-помещичья националистическая партия в Азербайджане. Возникла в 1912 году. Выступая с пропагандой пантюркизма, мусаватисты вместе с тем работали перед царизмом. Проводя махровый национализм и разжигая национальную вражду между народами, партия «Мусават» пыталась отвлечь азербайджанских трудящихся массы от революционной борьбы. Мусаватисты были врагами братского единения азербайджанского народа с великим русским народом и другими народами России.

В годы первой мировой войны 1914–1918 годов мусаватисты выступали защитниками политики царизма. После Февральской буржуазно-демократиче-

Лаврентий Берия. 1930-е

ской революции 1917 года «Мусават» объединилась с «Федералистской партией» азербайджанских беков. В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в период иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР «Мусават» представляла собой одну из главных контрреволюционных сил Азербайджана.

Являясь агентами иностранных империалистов, мусаватисты в марте 1918 подняли антисоветский мятеж в Баку, который был подавлен бакинским пролетариатом. В июне 1918 они организовали в городе Гандже контрреволюционное буржуазно-помещичье «правительство» и совместно с турецко-германскими оккупантами повели борьбу против Советской власти в Баку и других районах Азербайджана. Опираясь на поддержку турецких, а затем английских интервентов, партия «Мусават» находилась у власти в Азербайджане в 1918–1920 годах. Свою предательскую роль мусаватисты старались маскировать лживыми фразами о «независимости» Азербайджана. Они стремились превратить Азербайджан в колонию иностранных империалистов, в опорный пункт борьбы против Советской России. Мусаватисты, дашнаки и грузинские меньшевики в 1918–1920 годах провоцировали в Закавказье межнациональные столкновения. Совместными усилиями восставшие бакинского пролетариата и Красной Армии мусаватский контрреволюционный режим был свергнут в апреле 1920. После установления Советской власти в Азербайджане «Мусават» была разгромлена и ликвидирована. Ее остатки за границей (главным образом в Турции) продолжают антисоветскую деятельность».

«Дашнакцутюн»

«Дашнакцутюн» (в переводе с армянского — «союз») — армянская буржуазно-националистическая партия. В Большой советской энциклопедии можно найти следующее описание этой партии:

«Дашнакцутюн», дашнаки, — армянская контрреволюционная буржуазно-националистическая партия; возникла в начале 90-х гг. XIX века в Закавказье, вела борьбу против революционного движения рабочих и крестьян. Используя национальные стремления армян к объединению, «Дашнакцутюн» демагогически выступила под лозунгом якобы освобождения армянского народа из-под ига султанской Турции и создания «Великой Армении». В действительности вся деятельность дашнаков, ставших на путь различных дипломатических комбинаций, тайных переговоров и соглашений с хищниками империалистических дипломатий (Франции, Англии, Америки,

Лаврентий Берия. Начало 1940-х

Турции и других), носила авантюристический, антинародный характер. <...>

В первой русской революции 1905–1907 годов дашнаки, защищая интересы армянской буржуазии, пытались отвлечь массы армянского народа от общерусского революционного движения, вели политику национальной обособленности, отвлекая внимание масс от революционных задач и разжигая национальную вражду между трудящимися, что было на руку царизму и наносило большой вред рабочему движению в Армении и во всем Закавказье. По указке царской полиции они организовали в Баку, Елизаветполе и других местах Закавказья армяно-татарскую резню. <...>

В годы первой мировой войны «Дашнакцутюн» была боевым авангардом армянской буржуазии и защитником интересов империалистических держав Антанты. После Февральской буржуазно-демократической революции «Дашнакцутюн» полностью поддерживала политику буржуазного Временного правительства, направленную на подавление освободительного движения угнетенных наций. В борьбе против Великой Октябрьской социалистической революции дашнаки выступили в контрреволюционном блоке с меньшевиками и мусаватистами. В июле 1918 года дашнаки, выступив совместно с эсерами и меньшевиками как агенты англо-французских и американских империалистов, поставили в Бакинском Совете вопрос о ликвидации Советской власти и приглашении английских интервентов, которые позже при участии эсеров и меньшевиков зверски убили бакинских комиссаров. С распадом Закавказского сейма дашнаки в 1918–1920 годах при помощи германо-турецких захватчиков возглавляли в Армении буржуазно-националистическое контрреволюционное правительство. <...>

Во время господства буржуазно-националистических правительств дашнаков, мусаватистов и грузинских меньшевиков Закавказье было превращено в арену непрерывных межнациональных столкновений и кровавых войн. <...>

Дашнакское правительство было свергнуто в конце ноября 1920 года. <...> С победой Советской власти в Армении «Дашнакцутюн» была разгромлена и ликвидирована; ее подонки за границей продолжают борьбу против Советской власти, являясь агентами американо-английских империалистов».

Таким образом, можно заключить, что в 1917–1920 годах основными силами, которые сражались в Азербайджане, были, с одной стороны, националистически настроенная буржуазия, представленная азербайджанской «Мусават» и армянской «Дашнакцутюн», которых поддерживали Англия и Турция, а с другой стороны — большевики и социал-демократические

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

организации «Гуммет» и «Адалет», в создании и поддержке которых большевики сыграли ключевую роль.

Первый допрос Берии состоялся 8 июля 1953 года после окончания Пленума ЦК, на котором свергнувшие Бериев представители высшего руководства страны уже предъявили ему свои обвинения. Вот отрывок из протокола первого допроса Берии касательно его работы в мусаватистской контрразведке:

« ВОПРОС: Вы в автобиографии, написанной 22 октября 1923 г., указываете: «Осенью 1919 года от партии «Гуммет» поступаю на службу в контрразведку». Правильно это?

ОТВЕТ: Задание получил от одного из руководителей «Гуммет» — Мирзадада Гуссейнова. Контрразведка эта находилась при мусаватистском правительстве и состояла из левых элементов коммунистов и мусаватистов и в начале своей деятельности должна была вести борьбу с белогвардейцами. Имела ли отношение к этой контрразведке английская контрразведка — я ничего не могу сообщить.

ВОПРОС: Расскажите подробно о вашей деятельности в контрразведке?

ОТВЕТ: В основном моя деятельность свелась к ознакомлению с письмами граждан, которые поступали в контрразведку. Эту работу я проводил под руководством Измайлова, который был тогда коммунистом. Работа моя в контрразведке продолжалась месяца три-четыре, а может быть, больше, сейчас не помню.

ВОПРОС: Кто такой Муссеви?

ОТВЕТ: Муссеви — левый коммунист. Еще до меня он получил задание работать в контрразведке, как это мне было известно от Гуссейнова, причем он был заместителем начальника контрразведки, а начальником контрразведки был Шихзаманов. От Гуссейнова я имел поручение контактировать работу с Муссеви. Муссеви давал задание Измайлову, а через него мне ознакомливаться с письмами и при надобности ориентировать его, Муссеви, о письмах, заслуживающих внимания. Муссеви был убит, по моему мнению, мусаватистами за его деятельность. Относится это к периоду конца 19 или начала 20 года.

ВОПРОС: Кто может подтвердить, что по заданию «Гуммет» вы работали в контрразведке, и как выполнялось это задание?

ОТВЕТ: Назвать лиц, которые могут подтвердить то обстоятельство, что именно по заданию «Гуммет» я работал в контрразведке, и как выполнялось это задание мною, — я, кроме Гуссейнова и Измайлова, не могу. В 1920 году в адрес бывшего в то время секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Каминского поступило заявление о моем сотрудничестве в контрразведке в пользу мусаватистов. Это заявление было предметом специального разбора на президиуме ЦК АКП(б) и я был реабилитирован.

ВОПРОС: В своей автобиографии вы указываете: «...приблизительно в марте 1920 года после убийства Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в бакинском таможенном». Покажите подробно по вопросу оставления работы в контрразведке, по чьему указанию вы оставили эту работу?

ОТВЕТ: По совету Гуссейнова я подал заявление начальнику контрразведки об увольнении с работы и был уволен беспрепятственно. Истинной причиной моего ухода из контрразведки являлось то, что эта контрразведка стала полностью мусаватистской. При помощи Гуссейнова я поступил на работу в Бакинскую таможенную счетную службу. Гуссейнов в то время был вроде директора департамента министерства финансов мусаватистского правительства и, как мне кажется, таможенна находилась в его ведении. <...>

ОТВЕТ: <...> Хочу дополнить, что вопрос о работе в контрразведке подымался

Каминским в 1937 году в ЦК партии, и это обвинение против меня было признано необоснованным. Так же поднимался этот вопрос и в 1938 году в ЦК партии, и так же это обвинение не нашло подтверждения. >>

Таким образом, согласно протоколу допроса, Берия подтвердил свою работу в мусаватистской контрразведке в качестве двойного агента, хотя этого никогда и не скрывал, так как данный факт был указан в официальной биографии Берии, написанной в октябре 1923 года. В сборнике «Берия. Конец карьеры» под редакцией Некрасова опубликована автобиография Берии, написанная им 17 апреля 1923 года, которая была найдена составителями сборника в личном деле Берии.

В ней Берия пишет, что в начале 1918 года прибывает из Одессы в Баку, где поступает на работу секретарем в Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов. Во время занятия Баку турками в октябре 1918 года Берия работает конторщиком на заводе. О партийной деятельности в период с октября 1918 по февраль 1919 года Берия ничего не пишет, но указывает, что в феврале 1919 года, «будучи председателем коммунистической ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные поручения райкома».

Далее Берия указывает, что осенью 1919 года он направляется от партии «Гуммет» работать в мусаватистскую контрразведку вместе с Муссеви. В марте 1920 года, после убийства Муссеви, Берия уходит из контрразведки и устраивается работать в Бакинскую таможенную.

Как отмечает Арсен Мартиросян, писатель-историк, бывший сотрудник КГБ, момент для внедрения Берии в мусаватистскую контрразведку с оперативной точки зрения был выбран крайне удачно: из-за раскола «Гуммет» на меньшевиков и большевиков было необходимо знать планы мусаватистского правительства Азербайджана. Подобные операции с засылкой двойных агентов в чужие спецслужбы, как пишет Мартиросян, проводили в то время все политические силы: и правые, и левые, и центристы.

То, что Берия открыто написал в своей автобиографии о своей работе в мусаватистской контрразведке, означает, что он был абсолютно уверен, что данный факт характеризует его исключительно с положительной стороны, потому что автобиографии всех советских руководителей (и уж тем более работников ЧК) досконально изучались в органах безопасности. Если бы у Берии не было весомых подтверждений о работе у мусаватистов в качестве двойного агента, тогда он либо попытался бы скрыть этот факт, либо более подробно описал бы его в своей автобиографии.

На втором допросе Берии, 9 июля 1953 года, генеральный прокурор Руденко снова поднимает вопрос о мусаватистской контрразведке:

« ВОПРОС: Уточните еще некоторые данные Вашей биографии. Вы утверждаете, что являлись членом коммунистической партии с марта 1917 года?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Почему же в 1919 году вы получили задание начать работу в меньшевистской контрразведке не от большевистской организации, а от «Гуммет»?

ОТВЕТ: Членом «Гуммет» я не являлся, однако задание сотрудничать в мусаватистской контрразведке я получил от «Гуммет», персонально от Гуссейнова. «Гуммет» являлся большевистской организацией.

ВОПРОС: Вам должно быть ясно, что меньшевистская разведка не могла действовать иначе, как под контролем английской разведки?

ОТВЕТ: Я ничего не замечал, чтобы английская контрразведка контролировала мусаватистскую контрразведку. >>

На одном из следующих допросов 16 июля 1953 года Руденко опять пытается уточнить, почему Берия получил задание работать в мусаватистской контрразведке от «Гуммет»:

« ВОПРОС: Как могло случиться, что вы, будучи членом большевистской организации, как вы утверждаете с марта 1917 года, в 1919 году осенью поступаете агентом контрразведки мусаватистской по заданию «Гуммет», членом которой, как вы заявляете, не являлись?

ОТВЕТ: От большевистской партийной организации задания поступить агентом в мусаватистскую контрразведку я не имел. Имел я это задание от большевистской части «Гуммет», а в частности Гуссейнова, и я был уверен, что он действует и от имени большевистской организации.

ВОПРОС: Вы даете лживые показания. Вы не вступили в партию в 1917 году. Вам известна такая фамилия Вирап?

ОТВЕТ: Я утверждаю, что вступил в партию в марте 1917 года. Вирапа я хорошо знаю. Он был во время подполья связан с нашей ячейкой технического училища как представитель Бакинского комитета партии. В 1919 году, когда я работал агентом мусаватистской контрразведки, Вирап был задержан контрразведкой вместе с другими, и я еще оказывал ему содействие вместе с Исмаиловым связаться со своими людьми. Через непродолжительное время все эти задержанные были освобождены. Впоследствии Вирап в 24–25 гг. стал ярлым троцкистом и был выслан из Закавказья и, по-моему, был расстрелян.

ВОПРОС: Просили ли вы Вирап в 1920 году засвидетельствовать ваши политиче-

ские убеждения в период службы в мусаватистской контрразведке?

ОТВЕТ: Такая просьба с моей стороны была. Возник этот вопрос в связи с тем, что бывший секретарь ЦК Азербайджана Каминский, желая устроить на должность управделами ЦК, которую я занимал, свою жену, поднял материалы о моей работе в мусаватистской контрразведке. Так как Вирап знал меня по партийной работе примерно с осени 1919 года, и ему была известна моя работа в контрразведке и что в Бакинском комитете знали о моей работе в контрразведке, я и обратился к Вирапу с просьбой выдать мне характеристику о моей работе. Эту характеристику, которую мне дал Вирап, я читал, но не могу вспомнить ее содержание сейчас.

ВОПРОС: Вам предъявляется выданная по вашей просьбе характеристика Вирапа от ноября 1920 года. <...> В характеристике, выданной Вирапом по вашей просьбе, указано: «Могу удостоверить, что Берия находится в партии с декабря месяца 1919 года и был в ячейке техников». Правильно пишет Вирап?

ОТВЕТ: Вирап пишет верно, он мог и не знать, что я с 1917 года в партии, так как я ему об этом не говорил. Вирап как прикрепленный к партийной ячейке техников, должен был бы знать мой партийный стаж. Он, очевидно, назвал дату моего пребывания в партии с момента организации ячейки техников, где он был прикрепленным от бакинского комитета.

ВОПРОС: В этой же характеристике Вирап, говоря о вашей работе в контрразведке, указывает, что среди группы работающих там был и Берия как сочувствующий. Правильно утверждение Вирапа?

ОТВЕТ: Он правильно пишет, но он не знал о моем партстаже.

ВОПРОС: Почему архивные документы, принадлежащие ЦК КП(б) Азербайджана, находившиеся в вашем личном распоряжении, кто их изъяс?

ОТВЕТ: Я просил изъять, но кто их изымал из архива ЦК КП(б) Азербайджана, не могу сказать, так как не помню. То, что я хранил эти документы лично у себя, это я поступил неправильно, изъяс их потому, что боялся, как бы их не уничтожили бывшие руководители ЦК КП(б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги. Они вели против меня травлю в бытность мою секретарем Зак. крайкома.

ВОПРОС: Вам предъявляется обложка из этого вашего архива, хранившегося у вас, на которой учинена следующая запись: «Личный архив № 2 товарища Берия (дела по Баку), вскрыть только по личному распоряжению товарища Берия» (подпись неразборчива). Кто учинил эту запись и чья эта подпись?

ОТВЕТ: Эта запись учинена Меркуловым и это же его подпись. Меркулов работал зам. наркомом внутренних дел. Оформлял он эти документы потому, что я ему доверял, кроме того Меркулов в 1938 году помогал мне в составлении объяснения в ЦК ВКП(б) на имя Сталина по вопросу о моей службе в контрразведке. >>

По эпизоду работы Берии в мусаватистской контрразведке было допрошено несколько свидетелей. Однако, как правильно указал в своей книге Андрей Сухомлинов, большинство свидетельств основывалось на разговорах третьих лиц, которых на момент следствия по делу Берии уже не было в живых, соответственно, они не могли ни подтвердить, ни опровергнуть данные заявления. Более того, за всё время следствия очных ставок с Берией не проводилось, соответственно, по эпизодам, когда показания Берии расходились с показаниями свидетелей, нельзя точно сказать, кто говорил правду.

Продолжение на стр. 4

Лаврентий Берия на даче Сталина. 1930-е

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

В документах по делу Берии, опубликованных фондом Яковлева, и в книге Сухомлинова (в которой есть отсылка к ряду документов, не опубликованных на сегодняшний момент в других источниках) приводятся помимо прочих следующие свидетельства:

1. Список агентов мусаватистской контрразведки. В этом списке под одиннадцатым номером значится Лаврентий Берия. Как отмечает Сухомлинов, данный список не был оформлен по правилам делопроизводства: в частности, на нем не указано место и дата создания, а также отсутствует подпись составителя. Соответственно, нельзя понять, о каких агентах идет речь: агентах контрразведки или же двойных агентах, посланных в контрразведку большевиками. Также стоит отметить, что ссылку на данный список приводит только Сухомлинов. В материалах, опубликованных фондом Яковлева в 2012 году, он не представлен, поэтому узнать имена остальных агентов на данный момент не представляется возможным.

2. Три агентурные справки, в которых Шихзаманов (Ших-Заманов), начальник мусаватистской контрразведки в 1919 году, называет Берию своим секретарем. Как отмечает Сухомлинов, данные справки хранились в особой папке ЦК и должны были быть известны высшему руководству страны и ранее 1953 года.

Заслуживает внимания эпизод во время допроса Берии 17 августа 1953 года, когда на вопрос Руденко о том, интересовался ли Берия судьбой Шихзаманова, Берия ответил, что после установления Советской власти в Азербайджане Шихзаманов эмигрировал в Иран, а в обязанности Берии входило получение информации об эмигрировавших за границу антисоветчиках, поэтому он судьбой Шихзаманова интересовался. На вопрос Руденко о контактах сестры Шихзаманова с Берией Лаврентий Павлович ответил, что кто-то из родственников Шихзаманова обращался с заявлением в ЧК и был на приеме у него, но не смог вспомнить, кто именно это был.

3. Показания бывшего чекиста Милова, в которых он сообщает, что видел приказ, по которому Берия назначался на должность работника контрразведки по наружной службе по Апшеронскому полуострову с месячным испытательным сроком и окладом 800 рублей. Данный документ не опубликован в материалах фонда Яковлева, ссылка на него имеется только в книге Сухомлинова. Как отмечает Сухомлинов, данный приказ был подписан А. Гогоберидзе.

Здесь стоит отметить фамилию Гогоберидзе, которая впоследствии еще будет упоминаться касательно работы Берии в мусаватистской контрразведке. Леван Гогоберидзе, бывший секретарь ЦК КП Грузии, сообщал в начале 30-х годов Серго Орджоникидзе о работе Берии в мусаватистской контрразведке, в связи с чем Берии даже пришлось 2 марта 1933 года написать на имя Серго Орджоникидзе письмо. На данный момент не удалось выяснить, есть ли между Леваном Гогоберидзе и А. Гогоберидзе какие-либо родственные связи, однако этот момент представляется интересным для дальнейшего изучения.

4. Агентурное донесение об аресте Берией, который, согласно донесению, был на тот момент помощником начальника мусаватистской контрразведки, весной 1919 года агента по распространению медицинских книг Шибселовича. Стоит отметить, что дата «весна 1919 года» не соответствует той, которую Берия указал в своей автобиографии. Согласно своей биографии, Берия устроился на службу в мусаватистскую контрразведку только лишь осенью 1919 года.

5. Показания генерал-лейтенанта Ювельяна Сумбатова-Топуридзе, наркома внутренних дел Азербайджанской

Л. Берия, Г. Маленков, И. Сталин, А. Каганович. После 1945 г.

ССР в 1937–1938-х годах, который свидетельствовал, что в 1931 году председатель Азербайджанского ГПУ Фриновский показывал ему архивное дело на Берию от 1920 года, в котором имелся ордер на арест Берии в связи с его работой на мусаватистскую контрразведку.

Интересно отметить, что Сумбатов-Топуридзе начал работать в органах ЧК Азербайджана в одно время с Берией и Багировым и, как свидетельствуют документы, был близким другом Берии и Багирова. В 1953 году он был репрессирован по делу Берии. После Пленума ЦК 2–7 июля в парторганизации Азербайджана было обсуждение «вопроса о Берии», в рамках которого, в частности, Б. А. Рзаев, работавший в органах ЧК Азербайджана с мая 1921 года заявил, «что знает Берию, Багирова и Сумбатова-Топуридзе как закадычных друзей и что в 1921 году во время чистки партии Берия был подвергнут разоблачению, но ему помогли Багиров и Сумбатов-Топуридзе, которого Берия забрал в Москву, а затем послал его к Багирову».

6. Показания Якобашвили, который сообщил, что со слов Мусы Мдивани и Левана Гогоберидзе ему стало известно, что Берия принимал участие в расстреле 26 бакинских комиссаров. Помимо ссылки на людей, которых уже не было в живых, нужно заметить, что расстрел бакинских комиссаров произошел 20 сентября 1918 года, то есть еще до «официальной» даты поступления Берии на работу в мусаватистскую контрразведку. Касательно участия Берии в судьбе 26 бакинских комиссаров Сухомлинов упоминает еще один документ — показания свидетеля Мамедова, сотрудника МВД Азербайджана, кото-

рый сообщил, что сотрудник НКВД Азербайджанской ССР Григорян рассказывал ему в 1932–1933 годах, что в 1918 году Берия был командиром взвода охраны арестованных 26 бакинских комиссаров. При этом Григоряна, как отмечает Сухомлинов, на момент следствия над Берией уже не было в живых.

7. Работник Грузинской ЧК Мартин Предит свидетельствовал, что член группы по организации подпольной большевистской работы в Азербайджане по фамилии Канделаки рассказывал ему в 1920 году, что в августе 1919 года Канделаки был задержан Берией, который был на тот момент агентом мусаватистской контрразведки, и впоследствии был им отпущен за крупную взятку. Предит также показал, что в 1923 году он подал заявление о службе Берии в мусаватистской разведке на имя начальника экономотдела Куропаткина, когда Берия прибыл на работу в ГПУ Грузии. По данному заявлению Берия впоследствии разговаривал с Предит в присутствии свидетелей и пояснил ему, что действительно работал в 1919 году в мусаватистской контрразведке, однако делал это по заданию партийной организации. При этом речь о вымогательстве Берией взятки от Канделаки не шла.

Интересно отметить, что, когда данный эпизод предъявили Берии на допросе 17 августа 1953 года, он, во-первых, отрицал факт вымогания взятки, а во-вторых, показал, что в 1920 году Канделаки, который был на тот момент заведующим отделом ЦК, лично присутствовал при разборе вопроса о работе Берии в мусаватистской контрразведке на бюро ЦК Азербайджана и, соответственно, получил все необходимые разъяснения.

Члены советского правительства выходят из ворот Кремля. Слева направо — Хрущев, Сталин, Маленков, Берия, Молотов

8. Свидетельство Исы Меликова, который в 1919 году работал в мусаватистской контрразведке на должности агента и был знаком с Берией. Меликов показал, что в тот период в контрразведке вместе с Берией служили Али Байрамов, Касум Измаилов, Крылов, Казым Ризаев, Лысков, Миртафах Мусави и другие лица, фамилии которых он не смог вспомнить. По свидетельству Меликова, Берия не состоял в левом крыле партии «Гуммет», а также отрицал свою принадлежность к ней и большевикам. При предъявлении этого свидетельства на допросе 17 августа Берия подтвердил, что Меликов правильно назвал лиц, работавших в мусаватистской контрразведке вместе с ним и Берией, однако неправильно показывает, что Берия отрицал свою принадлежность к большевистской партии. Сам Берия характеризует Меликова как сочувствующего большевистской партии.

Данный эпизод кажется странным, так как, работая в контрразведке противника, ни один агент ни при каких обстоятельствах не должен раскрывать тот факт, что является двойным агентом. Поэтому непонятно, почему данный эпизод, во-первых, привлек такое внимание следователей, а во-вторых, почему Берия, согласно протоколу допроса, отдельно подчеркнул, что во время работы у мусаватистов сообщал Меликову, что является двойным агентом, то есть работает против мусаватистской контрразведки.

9. Нескольким свидетелем о функциях и роде деятельности Берии в мусаватистской контрразведке. На допросах Берия изначально заявлял, что в мусаватистской контрразведке девяносто процентов времени занимался просмотром корреспонденции и иногда проверкой подозрительных лиц, которых пытались заслать в Азербайджан из Ирана. Однако во время допроса 23 июля 1953 года Руденко предъявил ему письмо № 1095, адресованное приставу пятого участка полицейместерства города Баку, которому было приказано произвести обыск в редакции революционной газеты «Искра» «совместно с агентом Берией» и еще одно письмо, также адресованное приставу пятого участка, в котором Берии и агенту Фоталееву поручалось произвести обыск в типографии газеты «Искра». В итоге на допросе Берия признал, что участвовал в обысках в рамках своей деятельности в мусаватистской контрразведке.

10. Свидетельство Гайка Тер-Саркисова, начальника 1-го сектора Мосгорздравотдела, который в 1919 году был на подпольной работе в Баку. На допросе Тер-Саркисов показал, что в сентябре 1919 года он вместе с другими 14 подпольщиками был арестован в Баку мусаватистской контрразведкой. Арестованных допрашивал лично Берия, который представился заместителем начальника мусаватистской контрразведки. Как отмечает в своих показаниях Тер-Саркисов, Берия во время допроса интересовался, не является ли Тер-Саркисов большевиком или дашнаком. В итоге всех задержанных отпустили и обязали покинуть Азербайджан в течение 24 часов.

11. Свидетельство бывшего грузинского чекиста Гвинцадзе, который показал, что докладывал Серго Орджоникидзе о работе Берии в мусаватистской контрразведке, на что Орджоникидзе ответил ему, что о данном факте известно.

12. Четыре особые папки из архива ЦК, в одной из которой было заявление Вениамина Лознера, сотрудника Бакинского горсовета, от сентября 1953 года о том, что Лознер в 1919 году был свидетелем проведения Берией ареста членов центрального рабочего клуба в Баку. Лознер также показывал, что в 1921 году сообщил о факте службы Берии у мусаватистов Григорию Каминскому, который на тот момент был секретарем ЦК КП(б) Азербайджана.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Впоследствии Каминский, будучи наркомом здравоохранения, на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году напомнил делегатам съезда о службе Берии в мусаватистской контрразведке и обратился с официальным заявлением в ЦК. В ответ на это Берия в июне 1937 года направил Сталину письмо с объяснениями касательно своей работы у мусаватистов, написанное на имя Сталина 25 июня 1937 года Иваном Павлуновским, который был в 1926 году полномочным представителем ОГПУ в Закавказье. В данном письме Павлуновский пишет Сталину, что перед назначением председателем Закавказского ГПУ он получил от Дзержинского информацию, что Берия был одним из помощников Дзержинского и работал «с ведома ответственных товарищей закавказцев» в мусаватистской контрразведке. Более того, в данном письме Павлуновский пишет Сталину, что по приезду в Тифлис Серго Орджоникидзе подтвердил Павлуновскому данный факт, а также сказал Павлуновскому, что о работе Берии на мусаватистов помимо Дзержинского и Орджоникидзе знают еще Киров, Микоян, Назаретян и Сталин [Ma10_1]. В этом же письме Павлуновский приводит слова Орджоникидзе о том, что «правые уклонисты и прочая шушера» пытаются использовать факт работы Берии в мусаватистской контрразведке против него, но «у них ничего не выйдет».

Особое внимание заслуживает тот факт, что в ходе следствия данное письмо Павлуновского не было приобщено к делу и даже, согласно протоколам допроса, ни разу не упоминалось ни Берией, ни Руденко.

Данное письмо содержит важную информацию, согласно которой Берия действительно выполнял поручение большевистской организации, работая в мусаватистской контрразведке, и об этом было известно руководству партии. Необходимо, однако, также учесть, что через несколько дней после написания данного письма Павлуновский был исключен из партии и арестован, а в октябре 1937 года расстрелян. Поэтому, нельзя исключать наличия у Павлуновского, который, вероятно, понимал, что его в скором времени арестуют, личных мотивов для положительной характеристики Берии, который на тот момент был в фаворе. Тем не менее, нельзя сказать, что Павлуновский в данном письме дал ложную характеристику Берии, так как упомянутые Микоян и Назаретян (как и сам Сталин) могли бы легко опровергнуть подобные заявления, если бы они оказались ложными.

Анализируя документы и свидетельства, приведенные выше, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, работа Берии в мусаватистской разведке не сводилась к чисто бумажной. По всей видимости, он принимал участие в обысках и арестах, будучи на службе у мусаватистов. Это было бы и логично, ведь контрразведчик — это не бюрократическая должность, а конкретная оперативная и спецслужбистская работа, особенно в те годы, когда шла Гражданская война. А Берия, как и его кураторы, направлявшие его на работу в контрразведку мусаватистов, прекрасно понимали, чем ему предстоит там заниматься.

Во-вторых, каких-либо документов и подтверждений вербовки или работы Берии на зарубежные разведки, в частности английскую, в ходе следствия предоставлено не было.

В-третьих, следствие не пыталось установить детали получения Берией задания на работу в мусаватистской контрразведке от партии «Гуммет». В частности, следствие не интересовало, в чем именно состояло задание Берии от партии «Гуммет», кто непосредственно давал это задание и при каких обстоятельствах, что Берия смог выполнить, а с чем не справился. Генеральный прокурор Руденко пытался

Похороны М.И.Калинина. В первом ряду справа налево Молотов, Сталин, Маленков, Берия, Микоян, Булганин, во втором ряду Жданов, Казанович. 1946 г.

лишь обвинить Берию в работе на мусаватистов «по собственному желанию», а не по заданию каких-либо большевистских организаций. Как отмечает Сухомлинов, Руденко работу по выяснению обстоятельств работы Берии в контрразведке не закончил.

В итоге Берию бездоказательно обвинили, а затем признали виновным в предательстве, а именно «активных действиях ... против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ... секретной (агентурной) должности ... у контрреволюционных правительств в период гражданской войны» (статья 58–13 УК РСФСР в редакции 1926 года). Как точно заметил Сухомлинов, это всё равно, что обвинить Штирлица в том, что он работал у Шелленберга.

Особый интерес вызывает тот факт, что во время допроса Берии ни разу не прозвучала фамилия Микояна. Микоян также ни разу не был вызван в качестве свидетеля по делу Берии, хотя он мог бы многое рассказать о работе Берии в 1917–1920 годах. В то время Микоян был членом Бакинского комитета партии и, как он сам пишет в своих мемуарах, «участвовал в те дни во всей партийной, политической и военной работе» в Баку. В частности, Микоян в своих мемуарах очень подробно, практически по неделям,

расписывает политическую жизнь региона в период Гражданской войны и упоминает все политические партии и организации, которые действовали тогда в Азербайджане, в частности, партию «Гуммет». Однако в его мемуарах фамилия Берии ни разу не упоминается применительно к бакинскому периоду. Также Микоян в мемуарах ни разу не приводит фамилии Багирова, а Гуссейнова, который, согласно показаниям Берии, направлял его от партии «Гуммет» работать к мусаватистам, Микоян называет только один раз и то среди прочих фамилий, не раскрывая каких-либо деталей деятельности Гуссейнова. Также можно сделать вывод, что именно из-за прямого упоминания Микояна в письме Павлуновского это письмо не было приобщено к делу во время следствия. Иначе Микоян бы пришлось вызывать на допрос в качестве свидетеля, так как Микоян на момент следствия по делу Берии был единственным живым свидетелем из всех упомянутых в письме Павлуновского людей.

Можно предположить три возможных причины отсутствия упоминания Берией Микояна. Первой гипотезой может быть то, что Берия, в каком-то смысле, сам прикрывал Микояна во время допроса и не хотел по какой-то причине вовлекать его (в политическом смысле) в уголовное дело, понимая, что он сам будет в итоге

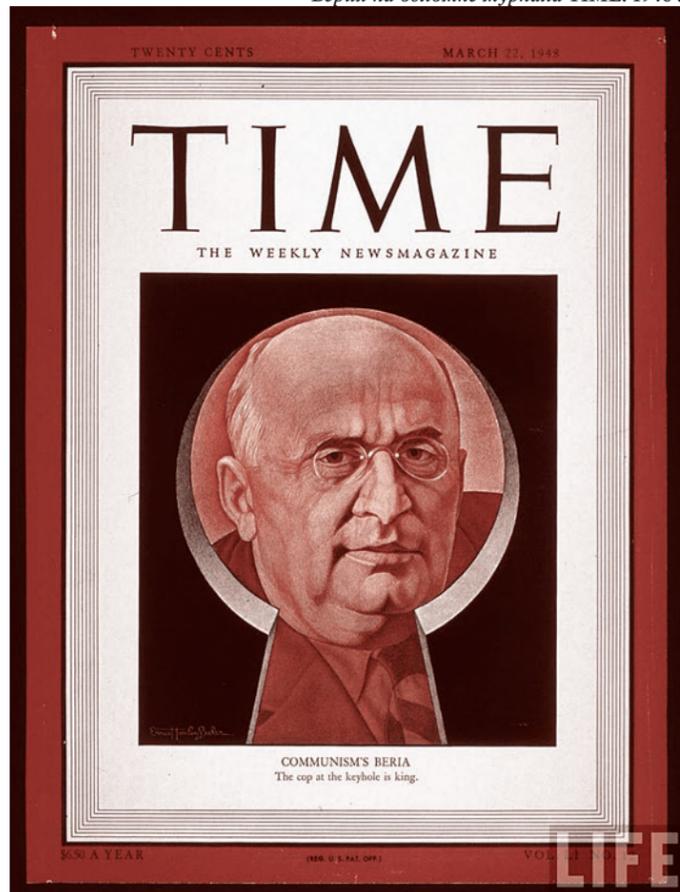
приговорен к высшей мере наказания и ему никто уже не поможет. В этом случае, однако, следствие также со своей стороны не проявляло никакого желания в каком-либо виде, например, в качестве свидетеля, допросить Микояна или привлечь его к процессу по делу Берии.

Второй гипотезой является то, что фамилия Микояна звучала во время допроса, в том числе со стороны Берии, однако эти его показания умышленно не были занесены в протокол генеральным прокурором. Доказательством того, что это не просто гипотетическая вероятность, а обоснованная версия, является свидетельство генерала Судоплатова, который был репрессирован по делу Берии и лишь чудом сумел избежать расстрела (он в течение нескольких лет успешно симулировал помешательство, а за это время политическая ситуация в стране изменилась). Судоплатов по делу Берии допрашивали генеральный прокурор Руденко и следователь прокуратуры Царградский, которые и проводили все допросы Берии. Судоплатов в своих мемуарах свидетельствует, что в ходе одного из допросов он упомянул фамилии Хрущева, Молотова и Маленкова, а впоследствии, когда нужно было подписывать протокол допроса, обнаружил, что его показаний касательно высших партийных и государственных лиц в протоколе нет.

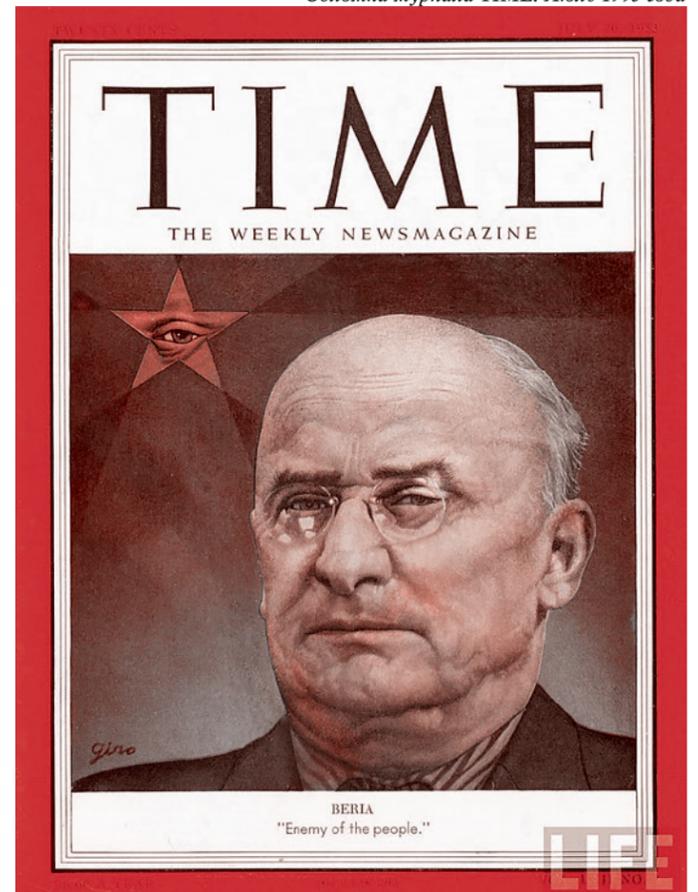
Наконец, третьей версией, объясняющей отсутствие фамилия Микояна в протоколах допроса Берии, является то, что, как указано ранее, девяносто процентов всех листов уголовного дела Берии являются не подлинниками (с подписями следователя и арестованного), а машинописными копиями, заверенными майором административной службы Главной военной прокуратуры Юрьевой. Соответственно, либо допросов Берии вообще не было, либо же настоящие протоколы допроса сильно отличаются от того, что находится в материалах уголовного дела Берии. В рамках данной версии можно предположить, что фамилия Микояна звучала на допросе и «реальные» показания Берии касательно Микояна могли быть впоследствии использованы для оказания давления на Микояна в том плане, что он становился абсолютно подконтрольным для тех, кто контролировал процесс по делу Берии, а именно Маленкова, Хрущева и Молотова.

Продолжение на стр. 6

Берия на обложке журнала TIME. 1948 г.

Обложка журнала TIME. Июль 1953 года

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

Касательно Микояна необходимо пояснить еще несколько моментов.

Во-первых, в письме, которое Берия написал 1 июля 1953 года, находясь уже под арестом в Штабе Московского военного округа, он пишет, что именно Микоян направил его в 1920 году (то есть уже после работы Берии в мусаватистской контрразведке) из Баку на нелегальную работу в Грузию. Интересно отметить, что в этом же письме Берия, обращаясь поочередно ко всем членам Президиума ЦК, упоминает их в следующем порядке: Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Каганович, Микоян, Первухин, Сабуров. Обращение и упоминание Хрущева после Маленкова и Молотова косвенно подтверждает версию организации заговора против Берии, высказанную в рамках данной работы, согласно которой основную роль в заговоре сыграли именно Маленков и Молотов.

Во-вторых, фамилия Микояна как человека, знавшего о подпольной работе Берии, открыто прозвучала в 1953 году на июльском Пленуме ЦК, посвященном разоблачению Берии. В ходе Пленума слово несколько раз получал первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафар Багиров, который в 1920-х годах был непосредственным начальником Берии по работе в Азербайджанской ЧК, а в 1953 году был репрессирован по делу Берии. Багиров несколько раз прямо упомянул Микояна как непосредственного организатора подпольной работы большевиков в Баку. В частности, Багиров заявил: *«Никто, кроме Анастаса Ивановича Микояна, не может сказать, чтобы кто-нибудь еще был руководителем бакинской подпольной организации и азербайджанской подпольной организации. При контрреволюционном мусаватистском режиме вся подпольная работа, все кадры, всё, что делалось в нашей партии, все указания Ленина и Сталина, передаваемые через Астрахань, через Кирова в Баку, — всё это проводилось в жизнь под непосредственным руководством Анастаса Ивановича».*

Микоян, получив слово на Пленуме, ответил очень странно. Он, с одной стороны, признал, что на подпольную работу был направлено два-три десятка товарищей, из которых «верхушку» направил лично Микоян, а с другой стороны, сказал, что про работу Берии в качестве двойного агента ничего не слышал и вообще впервые встретился с Берией в 1920 году в Баку, после установления Советской власти. Микоян даже заявил на Пленуме, что в отношении Берии ранее уже выдвигались обвинения в работе на буржуазную контрразведку, однако Берия *«не считал нужным представить документы, подтверждающие действительность, для того чтобы снять с себя такое пятно».* Абсолютную невероятность такого сценария (раскрытый агент буржуазной разведки возглавляет высшие государственные и партийные посты в Азербайджане, а затем в Москве) Микоян на Пленуме объяснил очень просто: Берии *«удалось ловко, всеми правдами и неправдами пробраться в доверие к товарищу Сталину».* На том же Пленуме Микоян так же заявил о Берии следующее: *«У нас нет прямых данных, был ли он шпионом, получал ли задания от иностранных государств, но главное состоит в том, что он выполнял указания капиталистических государств и их агентов».*

Тот факт, что во время Пленума у ЦК не было никаких свидетельств работы Берии на иностранные разведки, подтверждает Каганович, интервью с которым в 1989 году записал Феликс Чуев. На вопрос Чуева об аресте Берии Каганович прямо заявил: *«Документов о том, что Берия связан с империалистическими державами и что он шпион и прочее, нам не представили. Таких документов ни я, ни Молотов не видели».*

Ворошилов, Берия и Маленков в почетном карауле у гроба Сталина. 1953 г.

Также интересно отметить, что в интервью Чуеву Каганович говорит, что накануне ареста Берии Хрущев не сообщал Микояну о планируемом аресте, потому что боялся, что Микоян сразу раскроет Берии все планы заговорщиков. Каганович также сообщает, что когда Микоян пришел на заседание, и ему сообщили об аресте Берии, то он *«выпялил глаза и говорит: «Что, что?»*. При этом, как отмечалось ранее, в своих мемуарах и Хрущев, и Микоян приводят совершенно иную картину участия Микояна в аресте Берии.

Разбирая слова Микояна и Хрущева на июньском Пленуме ЦК 1953 года о том, что Берия никогда не предъявлял никаких документов о своей работе двойным агентом на мусаватистов, необходимо привести показания Меркулова, арестованного в июле 1953 года по делу Берии. На допросе 21 июля 1953 года Меркулову была предъявлена обложка упаковки личного архива Берии, обнаруженного при обыске у Берии, на которой рукой Меркулова было написано: *«Личный архив товарища Берия № 2 (дела по Баку). Вскрыть только по личному распоряжению товарища Берия».*

Во время допроса Меркулов не смог вспомнить о содержании архива, однако в тот же день написал письмо Маленкову и Хрущеву с объяснениями по данному архиву. Меркулов писал, что во время работы Берии в Грузии Берия попросил Меркулова найти в Бакинском партийном архиве документы, якобы подтверждающие, что Берия в 1919 году никогда не работал в мусаватистской контрразведке, а работал по заданию большевистской партии в молодежной азербайджанской организации «Гуммет». Как пишет далее Меркулов, он смог без особого труда найти в бакинском партийном архиве одну или две папки документов за 1919 год, в которых упоминалась фамилия Берии: *«Это были очень короткие протоколы Бакинского комитета партии, а может быть, ЦК, написанные на четвертушках писчей бумаги. Помню, что на протоколах фигурировала подпись Каминского».*

Как вспоминает Меркулов, записи в документах носили незначительный характер, в них не было прямых доказательств работы Берии в организации «Гуммет», однако они косвенно подтверждали этот факт. Впоследствии, по словам Меркулова, папки с этими документами Берия показывал Сталину в 1938–1939 годах, когда вопрос о службе Берии у мусаватистов стал снова подниматься. По мнению Меркулова, папки с документами Берии из бакинского архива должны храниться в архиве Сталина и, возможно, о них могут знать Мамулов, заведующий отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК КП Грузии, или Людвиг, начальник секретариата Берии в МВД.

Павел Судоплатов в своих мемуарах подтверждает слова Меркулова о Мамулове. Судоплатов приводит слова Мамулова,

который говорил ему, что Орджоникидзе лично писал заявление в Комиссию партконтроля, которое подтверждало, что Берия был послан большевиками в организацию азербайджанских националистов для того, чтобы проникнуть в их спецслужбу. Судоплатов также указывает, что документ, подтверждающий это, должен находиться в «фонде Берии», в президентском архиве. Касательно Людвигова Судоплатов пишет, что тот был женат на племяннице Микояна и это помогло ему выйти из тюрьмы сразу после падения Хрущева в 1964 году. При этом после отставки Хрущева Микоян также амнистировал своего дальнего родственника Саркисова, начальника охраны Берии, который, по версии следствия, «поставлял» Берии женщин.

Подводя итог исследованию обвинений Берии в работе на мусаватистскую контрразведку, можно сделать вывод, что Берия действительно работал в контрразведке у мусаватистов, где помимо прочего занимался проведением арестов и обысков. Однако «внедрение» Берии было инициировано и согласовано большевиками. Данный факт своей биографии Берия не скрывал и несколько раз на различных комиссиях предъявлял доказательства того, что на службе у мусаватистов он являлся двойным агентом. Тем не менее, конкретные детали работы Берии у мусаватистов во время следствия над Берией в 1953 году выяснены не были. Возможные свидетельства такой работы следует искать в биографиях людей, работавших рядом с Берией в тот период.

В частности, интересным для дальнейшего изучения представляется биография Мир Джафара Багирова, который в 1920-х годах был непосредственным начальником Берии по работе в Азербайджанской ЧК и которому Берия обязан своим карьерным ростом в 20-х годах. Факты из биографии Багирова могут помочь лучше понять политическую обстановку в Азербайджане во время Гражданской войны.

Биография Мир Джафара Багирова

Профессор Бакинского государственного университета Эльдар Исмаилов в своей книге *«Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане 1945–1953»*, вышедшей в 2003 году, подробно разбирает биографию Мир Джафара Багирова. Однако прежде чем перейти к биографии, необходимо отметить, что Исмаилов рассматривает СССР времен Сталина как *«тоталитарный режим... время насаждения Системы, основанной на всемерном использовании властью силы, включая методы государственного терроризма».*

При этом в предисловии к книге, которую Исмаилов посвятил своему отцу, автор пишет, что его отца в 40-х годах изгнали из правоохранительных органов за то, что

среди родственников были «враги народа», и продолжить свою службу он смог только после смерти Сталина и устранения Багирова. Тем не менее, отец Исмаилова всегда с восторгом отзывался как о Сталине, так и о Багирове. Как пишет об отце сам Исмаилов: *«Вспоминая его рассказы, я прихожу к выводу, что больше всего его подкупали в деятельности этих людей категоричность суждений, конкретность мышления, решительность и смелость. <...> Обиды очень быстро стерлись из его памяти. Я всегда думал, чем это объяснить. И не находил ответа. Полного ответа я не знаю и теперь, когда завершил работу над настоящей книгой».* То есть Исмаилов, с одной стороны, категорически осуждает сталинский СССР и рассматривает его как тоталитарный период, а с другой стороны, пытается найти какую-то логику в событиях тех лет, которая, вероятно, помогла бы ему понять отношение людей того времени, в частности его отца, к сталинской эпохе.

Перейдем непосредственно к изучению биографии Багирова. Мир Джафар Аббасович Багиров родился 17 сентября 1895 года в городе Куба Бакинской губернии Российской империи. Согласно данным различных анкет, которые Багиров заполнял в разные годы, он родился в *«самой бедной семье»*, его отец и дед с отцовской стороны были *«хлебопашцами, хозяевами-одиночками».* При этом, как отмечает Исмаилов, Багиров обычно не упоминал происхождение матери и только в одной из личных анкет указал, что его мать являлась дочерью дворянина. Исмаилов предполагает, что мать Багирова, возможно, происходила из семьи обедневших беков, проживавших в Азербайджане. При этом исследователь отмечает, что факт замужества дочери бека, пусть даже и обедневшего, и бедного крестьянина, отца Багирова, представляется маловероятным.

Исмаилов обращает внимание на тот факт, что как сам Багиров, так и его многочисленные родственники по линии отца имели в имени приставку «Мир»: Мир Аббас, Мир Ага, Мир Зейналабдин, Мир Тальиб, Мир Гамзы, Мир Муртуз. Это, по мнению Исмаилова, является свидетельством принадлежности рода Багировых к шиитским сейидам — привилегированному слою шиитов. Принимая во внимание этот факт, Исмаилов делает вывод, что предки Багирова ранее жили в другом месте, потому что в Кубе, родном городе Багирова, большинство населения было суннитским. Интересно также отметить, что среди подчиненных Багирова было немало сейидов, когда он был первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

Упомянув национальность в своих партийных анкетах, Багиров в 1922 и в 1930 году писал «тюрк», а родной язык — «тюркский». Так же характеризовал Багиров и национальность своих родителей. Только в 1937 году, находясь на должности секретаря ЦК КП Азербайджана, Багиров написал в личной анкете, что является азербайджанцем по национальности. Помимо тюркского и русского Багиров также отлично знал лезгинский и персидский языки, в частности, он преподавал в школах, где большинство учащихся было лезгинами. Персидский язык Багиров выучил, когда обучался в мектебе, мусульманской начальной школе, в которой также преподавали Коран.

Подводя итог биографии Багирова до революции, Исмаилов дает ему следующую характеристику: *«Мир Джафар Багиров по своему социальному положению до 1917 года может быть отнесен к типичным представителям среднего класса, которые, с учетом их принадлежности к представителям нерусской и неправославной части населения Российской империи, более того, принадлежащих к одной из наиболее дискриминируемых тюркской и мусульманской части, обла-*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

дали крайне ограниченными возможностями социального роста».

Революционный период деятельности Багирова с февраля 1917 года по осень 1918 года представляется наиболее противоречивым. Так, во время допроса 9 апреля 1954 года Багиров назвал датой своего вступления в большевистскую партию март 1917 года, однако генеральный прокурор Руденко предъявил ему документ от 1920 года, согласно которому сам Багиров ранее утверждал, что вступил в партию в июне 1918 года. Багиров не смог пояснить во время допроса, почему указал 1918 год, однако заметил, что сам считает датой своего вступления в партию именно март 1917 года. Как отмечает Исмаилов, хотя в партийных документах есть упоминание о вступлении Багирова в партию в 1918 году, никаких документов о том, при каких обстоятельствах и по чьей рекомендации это произошло, нет.

В феврале 1917 года Багиров становится помощником главы администрации Кубинского уезда Али бека Гаруна бек оглы Зизикского. Зизикский был крупным помещиком, армейским генералом и видным мусаватистом. Уездным комиссаром он был назначен Временным правительством. Зизикский сперва назначает Багирова комиссаром еврейской слободы города Кубы, а затем в мае 1917 года делает его своим помощником. Как заявил Багиров во время допроса 9 апреля 1954 года, он был направлен на работу к Зизикскому теми же лицами, которые принимали его в большевистскую партию. При этом Эльдар Исмаилов считает, что Багиров на тот момент (1917 год) не был большевиком и пошел на службу к Зизикскому по личным мотивам.

В начале 1918 года революционные события достигли города Кубы. С падением Временного правительства уездный комиссариат потерял власть; воинские части, которые размещались в Кубе, покинули город. В этот момент пути Зизикского и Багирова расходятся. Зизикский становится яростным антибольшевиком и начинает борьбу с Бакинским Советом, в то время как Багиров встает на сторону Бакинского Совета и возглавляет отряд вернувшихся с фронта солдат, целью которых была революционная борьба. Однако в итоге отряд распадается и Багирову приходится скрываться. В мае 1918 года Зизикский захватывает Кубу, и Багиров покидает город под прикрытием отряда дашнаков. Таким образом, Багиров становится членом отряда бакинского большевистского правительства, большинство которого составляли на тот момент армянские националисты. Командиром отряда был Амазасп Срванцян. В мае 1918 года отряд Амазаспа вошел в Кубу и устроил погромы мусульманского населения. Как вспоминал потом Багиров, часть его родственников была заколота штыками, и он ничем не смог им помочь. Багиров пояснил на допросе в 1954 году, что находиться в отряде дашнаков ему поручил чрезвычайный уполномоченный Бакинского совнаркома в Дагестане, чтобы следить за дашнаками и уменьшать количество зверств с их стороны. Впоследствии за то, что он не смог принять меры к предотвращению погрома со стороны дашнаков в Кубе, Багиров был арестован и заключен под стражу на пять дней. Что касается судьбы Амазаспа, то Анастас Микоян, который на тот момент был комиссаром Армянской бригады, обвинил его в предательстве и направил председателю Бакинского Совета народных комиссаров Степану Шаумяну телеграмму с требованием ареста Амазаспа.

Летом 1918 года Багиров вступает в Красную Армию и становится политическим комиссаром РККА сначала на уровне полка, а затем бригады. Эльдар Исмаилов обращает внимание на тот факт, что комиссаром мог стать лишь пользовавшийся доверием коммунист, а значит, руководство Красной Армии доверяло Багирову.

Мир Джафар Багиров (тюремная фотография). 1953 г.

Точные детали службы Багирова в РККА неизвестны. Согласно официальным данным, в течение 1918–1920 годов Багиров в составе воинских частей Красной Армии вел бои против Деникина и Мамонтова, а также участвовал в подавлении восстания в Астрахани. Интересно отметить, что в марте 1919 года Багиров в качестве делегата от Азербайджана участвовал в Первом конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве.

В апреле 1920 года Красная Армия заняла Баку, была образована Азербайджанская ССР. В это время Багиров возвращается в Азербайджан и становится председателем ревкома Карабахской области, а также комиссаром и председателем военного трибунала Азербайджанской дивизии.

В феврале 1921 года Багиров становится председателем ЧК Азербайджанской ССР, сменив на этом посту Эюба Ширина оглы Ханбудагова. Багиров возглавляет ЧК (затем ГПУ) с 1921 года по 1927 год и с сентября 1929 года по август 1930 года. Одновременно с этим он является наркомом внутренних дел Азербайджанской ССР с 1921 года по 1927 год.

Чем занимается в это время Берия? Сразу после победы Советской власти в Азербайджане в апреле 1920 года Анастас Микоян направляет Берию на нелегальную работу в Грузию. В июне того же года меньшевистские власти Грузии арестовывают Берию и он проводит июль и июль 1920 года в тюрьме. После этого Берия возвращается в Баку. Как уже отмечалось выше, в это время поднимается вопрос о службе Берии в мусаватистской контрразведке, который разбирается на бюро ЦК КП Азербайджана. По результатам разбора с Берии снимаются все обвинения, а сам он в авгу-

сте 1920 года назначается управляющим делами ЦК КП Азербайджана.

В октябре 1920 года Берия получает новое назначение и становится ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. На этой должности Берия работает до февраля 1921 года, когда комиссию расформируют. Далее, как следует из автобиографии Берии, ЦК отпускает его продолжить учебу в Архитектурно-строительном институте, где Берия с 1920 года числится студентом. Однако через некоторое время ЦК КП Азербайджана направляет Берию на работу в ЧК Азербайджана. В апреле 1921 года Берия становится заместителем начальника Секретно-оперативного отделения ЧК. А через некоторое время, в мае 1921 года, Багиров уже назначает Берию начальником этого отделения и своим заместителем.

Начиная с этого времени Берия и Багиров завязывают дружеские отношения и начинают помогать друг другу продвигаться по службе. Так, в начале 30-х годов, когда Берия был первым секретарем Закавказского крайкома, он способствовал назначению Багирова первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

Во время допроса 29 октября 1953 года Багиров заявил, что познакомился с Берией только в феврале 1921 года. По словам Багирова, Берия рассказывал ему о том, что выполнял задания разведывательного характера по поручению большевиков, однако никогда не раскрывал детали этих заданий. Сам Багиров, по его словам, узнал о службе Берии в мусаватистской контрразведке только в 1937 году, когда Каминский на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году напомнил делегатам съезда об этом эпизоде биографии Берии. Такое заявление Багирова во время допроса в 1953 году кажется неправдоподобным.

Во-первых, как начальник ЧК Азербайджана он должен был быть досконально знаком с личными делами своих подчиненных. Во-вторых, как уже указывалось ранее, сотрудник Бакинского горсовета Вениамин Лознер еще в 1921 году сообщил Каминскому, который тогда был секретарем ЦК КП Азербайджана, о факте службы Берии у мусаватистов. Такая информация никак не могла пройти мимо Багирова. Причиной неправдоподобного заявления Багирова во время допроса могло быть простое желание избежать ответственности, так как он, вероятно, понимал, что суд признает Берию виновным в службе на иностранную разведку, а это будет означать, что Багиров, располагая подобными фактами ранее, не предпринял шагов для «разоблачения» Берии, то есть либо совершил преступную халатность, либо умышленно покрывал иностранного шпиона.

Филипп Махарадзе (справа), Мир Джафар Багиров (в центре), Лаврентий Берия на съезде партии. 1935 г.

Тем не менее, подводя итог знакомства с биографией Багирова, можно отметить, что прямых свидетельств, доказывающих связь Берии и Багирова до 1921 года, не обнаружено. Интересными для изучения, однако, представляются связи Багирова с мусаватистами, через которые он теоретически мог быть знаком с деятельностью Берии в мусаватистской контрразведке. Говоря о подобных связях, следует упомянуть письмо бывшего разведчика Эфендиева, которое он написал 7 октября 1953 года на имя Хрущева. В этом письме он приводит восемь известных ему эпизодов, в которых Багиров определенным образом взаимодействовал и не арестовывал различных «антисоветских элементов»: мусаватистов, пантюркистов, турецких разведчиков и т. п.

Так, между Багировым и Зизикским, помощником которого Багиров был в 1917-м, сохранились дружеские отношения и после победы Советской власти в Азербайджане. Несмотря на то, что Зизикский активно боролся с большевиками и даже был членом азербайджанской партии панисламистского толка «Иттихад», Багиров оказывал ему протекцию в течение 20-х годов, благодаря чему Зизикский оставался на свободе. Зизикский был арестован только в 1928 году, в тот момент, когда Багиров находился за пределами Азербайджана.

Другой подобный контакт Багирова — это Ахмед Бедин, начальник штаба Шукри Паши, который в 1919 году захватил Азербайджан и убил значительную часть армянского населения. Как пишет в своем письме Эфендиев, Ахмед Бедин, Гаджи Ага Шахвердиев и Зизикский принимали непосредственное участие в армянских погромах в Кубе, в частности, повесили заместителя председателя Кубинского уездного ревкома Магамеда Мехти. Впоследствии Ахмед Бедин под именем Ахмед Тринич стал членом ВКП(б) и попал на руководящую работу в Азербайджане. Эфендиев, который тогда также работал в Азербайджане, сообщил Багирову, что Тринич является турецким разведчиком и связан с мусаватистами. Однако Багиров ответил, что Тринич был двойным агентом большевиков. Впоследствии в 1936 году Тринич был репрессирован. Комментируя эпизод с Триничем во время допроса в 1954 году, Багиров попал в непростое положение. Он заявил, что данные о преступлениях Тринича были противоречивые, и только к 1936 году, когда Тринич был арестован, удалось установить его виновность.

Подобные отношения были у Багирова и с другими антисоветскими элементами, которых упоминает в своем письме Эфендиев: эти люди, с одной стороны, были чужими агентами и антисоветчиками, а с другой стороны, опекались Багировым до 1936–1937 годов, когда подверглись репрессиям. Соответственно, не представляется возможным выяснить, в чьих интересах действительно работали эти люди: были ли они двойными агентами большевиков, или же велась какая-то более сложная агентурная игра со стороны ЧК Азербайджана, например, против Турции и Ирана.

Тем не менее, подводя итог изучению биографии Багирова относительно вопроса службы Берии в мусаватистской контрразведке, можно сделать вывод, что достоверных фактов, подтверждающих связь Багирова с Берией и мусаватистами, на данный момент найти не удалось. Однако имеются факты того, что Багиров был хорошо осведомлен о подпольной работе иностранных спецслужб в Азербайджане, а также о деятельности большевистского подполья, и теоретически мог быть знаком с деятельностью Берии у мусаватистов. Эти факты представляют интерес для дальнейшего изучения.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Человечество, организуясь и дерзнув восстать против природной стихии, способно обрести и вечный созидающий огонь, и власть творить богов, и бессмертие

Духовно-политический конфликт Максима Горького и Леонида Андреева

Введение

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую...

Максим Горький

Двадцатый век, его начало... Одна из самых загадочных эпох в русской истории. Александр Блок облек свое отношение к происходившему в России в то время в строки своего «Возмездия»:

*И отбращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь...*

Литературу тех лет невозможно себе представить без Максима Горького и Леонида Андреева. Писателей связывала близкая дружба в начале их творческого пути и разрыв в пору зрелости. Константин Федин в работе «Горький среди нас» писал: «Вражда в литературе, в искусстве не может умалить художника, если она вытекает из разности убеждений» и вспоминал блоковские «молнии искусства», которые «рождаются только в столкновениях... дружба — состояние мужественное, не боящееся испытаний... исторически нейтральных дружб не бывает...»

Из происходящего в то беспокойное время для нас важны позиции и идеи, которые рождались и шлифовались в столкновениях и спорах в литературных (и не только) кругах. В этих спорах должно было родиться понимание выбора того пути, которым необходимо было вести страну. И главной составляющей подобных споров был спор о человеке.

Вот что об этом говорит Николай Бердяев: «В России за XIX–XX вв. много раз видели претензии появления нового человека, почти каждое десятилетие. И обыкновенно была смена более мягкого типа более жестким типом: идеалиста 40-х годов — мыслящим реалистом 60-х годов, народника — марксистом, меньшевика — большевиком, большевика-революционера — большевиком-строителем...».

Итак, Горький и Андреев — глазами современников.

Максим Горький (1868–1936)

Настоящее имя — Алексей Максимович Пешков.

Русский и советский писатель и драматург.

Родился в городе Канавино Нижегородской губернии в семье управляющего пароходной конторой Максима Савватеевича Пешкова и мещанки Варвары Ва-

сильевны Кашириной. Мать рано умерла от чахотки, и Алексей в детские годы жил в нижегородском доме деда, Василия Каширина. С 11 лет начал работать — посыльным в магазине, мойщиком посуды на пароходе, помощником пекаря, учеником иконописца.

В 1884 г. неуспешно пытался поступить в университет в Казани, в студенческой среде познакомился с марксистской литературой. В 1888 г. попал под постоянный надзор полиции за участие в работе марксистского кружка, тогда же начал работать на железной дороге, а в 1892 г. отправился в «вольное путешествие» по Югу России и Кавказу. В том же году напечатал свой первый рассказ «Макар Чудра».

Вернувшись в Нижний Новгород, начал печатать фельетоны, литературные обозрения и рассказы в местной, а затем и в центральной прессе. В 1899 г. опубликовал первый роман «Фома Гордеев» и поэму «Песня о соколе», начал переводиться на иностранные языки. В 1900–1901 гг. становится широко известен читающей публике и приобретает личные знакомства в литературных кругах (с А. П. Чеховым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко и др.).

В это же время Горький работает в книгоиздательстве «Знание», активизирует участие в марксистских рабочих кружках, пишет ряд пьес («Мещане», «На дне»). За прокламацию, призывающую к борьбе с самодержавием, был выслан из Нижнего Новгорода. В 1902 г. избран в почетные академики изящной словесности Императорской Академии наук. Правительство отменило избрание, поскольку Горький находился под надзором полиции. В знак протеста от членства в Академии отказались Чехов и Короленко.

К 1902 г. Горький уже был писателем с общероссийской и мировой известностью и фактическим лидером большого литературно-художественного кружка. Его квартиру в Нижнем Новгороде, где он поселился с женой Екатериной Павловной и детьми Максимом и Катей, называли Горьковской академией. Здесь почти каждый день собиралось множество гостей, среди которых бывали Толстой, Чехов, Бунин, Репин, Станиславский, Шалапин, а также Леонид Андреев.

В 1903 году от внезапной болезни умерла 5-летняя дочь Горького Катя, после чего семья распалась, хотя и без официального развода. Новой гражданской женой (и многолетним бессменным секретарем писателя) становится актриса Московского Художественного театра Мария Андреева. С ней Горький уезжает из Нижнего Новгорода и далее живет в Москве и Санкт-Петербурге.

В 1905 году Горький знакомится с В. И. Лениным и вступает в РСДРП. Участвует в революции 1905–1907 гг., пишет революционные прокламации. За одну из них был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В его защиту выступила не только большая группа российских культурной и научной интеллиген-

ции, но и множество зарубежных деятелей культуры, включая Огюста Родена, Анатоля Франса, Джакомо Пуччини, Бенедетто Кроче и др., и в результате правительство освободило Горького под залог.

В 1906 г. у Горького обостряется туберкулез, после чего он поселяется в Италии, на Капри. Здесь он вместе с Марией Андреевой живет до 1913 года.

В этот период Горький обнаруживает достаточно явные расхождения с Лениным в сфере революционной идеологии (повесть «Исповедь») и сближается с фракцией так называемых богостроителей в РСДРП (Александр Богданов, Анатолий Луначарский и др.).

В 1909 г. Горький помогает организовать на Капри школу фракции РСДРП «Вперед» («Первая Высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих»), в противовес которой Ленин организует альтернативную школу для российских рабочих в Лонжюмо под Парижем.

В 1913 г. Горький редактирует газеты РСДРП «Правда» и «Звезда», издает ряд новых произведений, включая «Сказки об Италии», и литературный сборник пролетарских писателей. В этом же году амнистирован в связи с 300-летием дома Романовых и возвращается в Россию, в Санкт-Петербург. Сразу включается в политическую работу большевиков и литературную жизнь России, основывает журнал «Летопись» и новое издательство «Парус», где публикует как свои новые произведения, так и произведения других (прежде всего начинающих) российских писателей.

Константин Федин в статье «Горький среди нас» пишет: «Горький обладал тем преимуществом перед всей интеллигенцией, что его жизнь была переплетена с историей революции и принадлежала ей».

В подготовке революции 1917 г. Горький участвовал очень активно. Однако Великую Октябрьскую революцию он встретил скептически. В частности, Горький осуждал негативно-подозрительное отношение победивших большевиков к старой русской интеллигенции, ряд ее представителей защищал и спасал от голода и репрессий новой власти.

В 1921 г. Горький по настоянию Ленина выехал для лечения туберкулеза за границу, жил в Италии, Чехословакии, Германии. В 1928–1929 гг. приезжал в СССР и совершал длительные поездки по стране, в 1932 г. окончательно вернулся в Советский Союз.

В это время Горький создал ряд новых газет и журналов, организовал издание ряда книжных серий («История фабрик и заводов», «История гражданской войны» и др.), в 1934 г. сделал основной доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

В этом же году неожиданно умер сын Горького Максим Пешков.

В мае 1936 г. Горький простудился и заболел, 18 июня 1936 г. умер.

Духовно-философские позиции Горького

Бог выдуман — и плохо выдуман! — для того, чтобы укрепить власть человека над людьми, и нужен он только человеку-хозяину, а рабочему народу он — явный враг.

М. Горький

Стержнем в произведениях М. Горького были размышления о человеке — и о его величии и достоинстве, и о его несовершенстве.

В письме И. Е. Репину от 23 ноября 1899 года: Горький пишет: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он — всё. Он создал даже Бога. Искусство же есть только одно из высоких проявлений его творческого духа, и поэтому оно лишь часть человека. Я уверен, что человек способен бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность — вместе с ним тоже будет развиваться — вместе с ним из века в век. Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа».

Итак, для Горького человек — это всё. Эта идея прослеживается в пьесе «На дне», когда Сатин говорит: «Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное — дело его рук и его мозга! Че-ло-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо».

Будучи хорошо знаком с реалиями жизни простого люда, Горький не может не видеть и несовершенства человека. На страницах своих произведений он уделяет много внимания босякам, людям темным и недалеким, необразованным, серым и безвольным. И все свои творческие силы бросает на поиски оружия, при помощи которого эти несчастные и убогие станут способны преодолеть свою темноту. Когда каждый из босяков и трудяг сможет, переродившись, стать Человеком с большой буквы — «новым Человеком». Это можно проследить в таких произведениях, как пьеса «На дне», повесть «Трое», роман «Мать» и др.

Возвышающий человека пафос Горького в российской литературной среде разделяли не все. Русский религиозный и общественно-политический деятель Дмитрий Философов так отреагировал на «босячество» в произведениях Горького: «Босячество — первая ступень пробудившегося сознания. Только человек, дошедший тут до конца, не побоявшийся последнего отчаяния, способен победить трагедию мира. Горький, испугавшись временного отчаяния, стал притуплять сознание, одурманивая его своей детской религией без Бога. И в этом его провал».

Нечто похожее писал в письме Горькому и Леонид Андреев 30 декабря 1901 года, после прочтения повести «Трое»: «Он (Илья) должен был погибнуть, но ты погубил его на интеллигентный

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

манер — он съел себя без остатка, как заправский Гамлетик. <...> Он должен стать силой, темной силой, т. к. ночью, во тьме, лилии не распускаются, — но не тряпкой. Свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы».

К слову сказать, «босаяцкая» тема часто использовалась некоторыми критиками Горького как средство уничтожения созданных писателем литературных образов. Так, в 1903 г. поэт и критик Георгий Чулков восхищался дикарством босаяков у Горького и особенно тем, что они «не вмешивались в политику».

Наиболее явственно Горький выразил свое отношение к роли человека в мироздании в своей «программной» поэме «Человек», написанной в 1903 г. Отметим, что эта поэма не оставила равнодушными очень многих современников писателя. Некоторые из них встретили ее в штывы.

Критик А. Басаргин в 1904 г. написал в «Московских ведомостях», что «поэма содержит призыв к революции; в ней находят обнаженное выражение ведущие тенденции творчества Горького, угрожающие обществу «социальной катастрофой», «историей Франции».

Особенно яростно нападали на Горького за поэму «Человек» декаденты, авторы журналов «Весы» и «Новый путь». Так, Зинаида Гиппиус в «Новом пути» писала «о конце Горького», подчеркивала, что Горького погубило его социал-демократическое мировоззрение, называла поэму «безмысленным и бессмысленным» произведением, потешалась над тем, что Горький «всю жизнь только и писал «Человека», — только его и проповедовал, как достойный апостол».

В то же время социал-демократический журнал «Правда» отозвался о поэме с восхищением: «Грандиозно и величаво торжествующим образом вырастает фигура «Человека» в поэме г. Горького... Это аллегорическая схема всего человеческого пути, всей человеческой природы, всего победно шествующего в вечности человеческого гения...». На концертах и литературных вечерах, где Горький зачитывал поэму, ее, как правило, встречали овациями.

Итак, в поэме «Человек» мы находим такие строки:

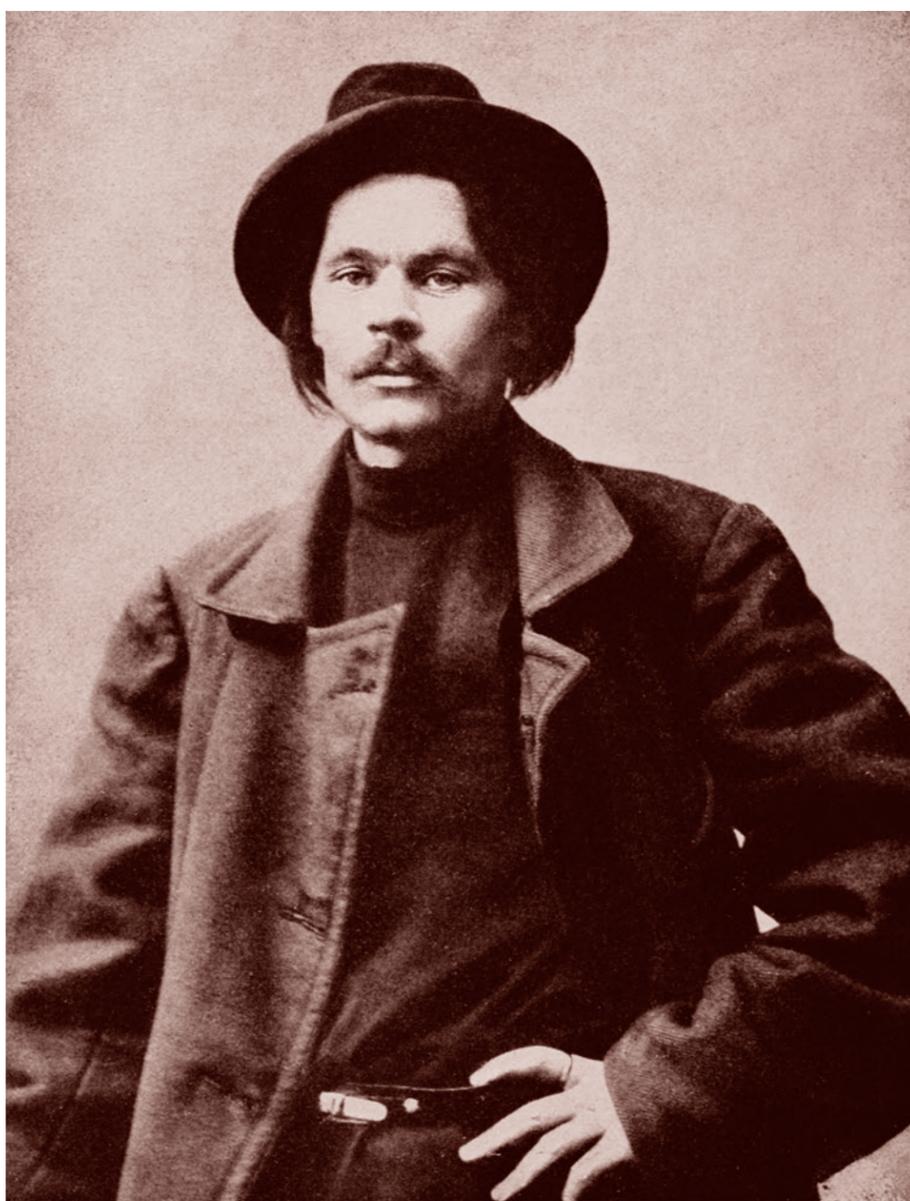
«В часы усталости духа, — когда память оживает тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бессильная подняться выше, лететь вперед, — в тяжелые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ Человека».

Возвеличивая Человека, Горький осознает его трагическую суть: «Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! и — выше! — трагически прекрасный Человек!»

В чем же трагизм горьковского Человека? В трудном пути, преодолевая который он, Человек, движется — вперед и выше. Человек, преодолевая свой трудный одинокий путь, становится творцом и даже способен стать равным Богу.

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротой куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — «зачем он существует?» — он мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой гругчей крови — поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно превращает, из опыта — науки создает и, каждым шагом украшая жизнь, как солн-

Максим Горький. 1901 г.

це землю щедрыми лучами, — он движется всё — выше! и — вперед! звездю путеводной для земли».

Отметим, что главным помощником Человека на его пути к преодолению собственного трагизма Горький называет Мысль:

«Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них — лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает».

И далее: «Вооруженный только силой Мысли, которая то молнии подобна, то холодно спокойна, точно меч, — идет свободный, гордый Человек далеко вперед людей и выше жизни, один — среди загадок бытия, один — среди толпы своих ошибок... и все они ложатся тяжким гнетом на сердце гордого его, и ранят сердце, и терзают мозг, и, возбуждая в нем горячий стыд за них, зовут его — их уничтожить».

«И только Мысль — подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него».

Безусловно, Горький отдает себе отчет в том, что человек пока еще вовсе не идеален, что путь его труден, что терзают его разного рода страсти. *«Идет! В груди его режут инстинкты; противно ноет голод самолюбья, как наглый нищий, требуя подачки; привязанностей цепкие воллока опутывают сердце, точно плющ, питаются его горячей кровью и громко требуют уступок силе их... все чувства овладеть желают им; всё жаждет власти над его душою. А тучи разных мелочей житейских подобны грязи на его дороге и гнусным жамам на его пути».*

Но Горький верит, что всё это человек способен преодолеть.

В своем творчестве (в частности, в поэме «Человек») Горький говорит и о смерти.

птицы — зловеще реют над его душою и все поют ему угрюмо песнь о том, что он — ничтожная букашка, что ограничено его сознание, бессильна Мысль, смешна святая Гордость, и — что бы он ни делал, — он умрет!»

По мнению Горького, только гордость способна «возмутиться» в человеке, и в этом спасение для него.

Далее Горький предостерегает человека от усыпления разума: *«В союзе с Ложью, робкая Надежда поет ему о радостях покоя, поет о тихом счастье примиренья и мягкими, красивыми словами баюкает дремотствующий дух, толкая его в тину сладкой Лени и в лапы Скуки, дочери ее».*

И, по внушенью близоруких чувств, он торопливо насыщает мозг и сердце приятным ядом той циничной Ажи, которая открыто учит, что Человеку нет пути иного, как путь на скотный двор спокойного довольства самим собою».

При этом Горький противопоставляет низменным страстям — страсти возвышенные, огненные, способные разжечь «пожар во тьме вселенной». В случае, если «возмущенье вспыхнет в нем, оно разбудит Мысль» и, глядя «в очи Правде» скажет:

«Но с каждым шагом я всё большее хочу, всё больше чувствую, всё больше, глубже вижу, и этот быстрый рост моих желаний — могучий рост сознания моего! Теперь оно во мне подобно искре — ну что ж? Ведь искры — это матери пожаров! Я — в будущем — пожар во тьме вселенной! И призван я, чтоб осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных, найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать и, озарив весь мрачный хаос жизни на этой исстрадавшейся земле, покрытой, как накожную болезнь, корой несчастий, скорби, горя, злости, — всю злую грязь с нее смети в могилу прошлого!»

Смысл жизни Человек Горького видит «в творчестве, а творчество самодовлет и безгранично!» И всё это для того, чтобы «сгореть» как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня — моя награда». С верою в то, что «Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной Мыслью, и этим пламенем я выжгу из души всё темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит!»

Поэма «Человек» завершается торжественным восклицанием: *«Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! всё — вперед! и — выше!»*

Обратим внимание на емкие определения Горького в отношении ненавистных ему человеческих пороков:

«Дремотствующий дух»... «Спокойное довольство самим собою»... Здесь речь явно идет о мещанстве. Горькому ненавистно мещанство. И мещанский быт, и психологию мещанина писатель знает не понаслышке, так как сам вышел из этой мещанской среды».

Вот что пишет Горький в 1905 г. в статье «Заметки о мещанстве»: *«...натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх перед жизнью, — в корне своем это страх перед народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своего благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отмщения у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле Бонами, Ломброзо — имя им легион...»*

Горький, презирая мещанство, также упрекает мещанина в бессилии: *«Он (мещанин) любит жить, но впечатления переживает неглубоко, социальный тра-*

«И тут же — вечный спутник Человека, немая и таинственная Смерть, всегда готовая поцеловать его в пылающее жаждой жизни сердце». Но смерть для Горького не является безнадежным и неизбежным злым роком. Напротив, человек способен ее преодолеть при помощи мысли: *«Она в борьбу вступает и со смертностью»,* и далее: *«...Мысль ее ревниво изучает — творческая и яркая, как солнце, исполненная дерзости безумной и гордого сознания бессмертья...»*

Именно Мысль Горький призывает на борьбу с человеческими пороками и заблуждениями: *«Но Мысль горда, и Человек ей дорог, — она вступает в злую битву с Ложью, и поле битвы — сердце Человека».*

Как враг, она преследует его; как червь, неумолимо точит мозг; как засуха, опустошает грудь; и, как палач, пытаят Человека, безжалостно сжимая его сердце бодрящим холодом тоски по правде, суровой мудрой правде жизни, которая хоть медленно растет, но ясно видима сквозь сумрак заблуждений, как некий огненный цветок, рожденный Мыслью».

Но если Человек отравлен ядом Ажи неизлечимо и грустно верит, что на земле нет счастья выше полноты желудка и души, нет наслаждений выше сытости, покоя и мелких жизненных удобств, тогда в плену лживого чувства печально опускает крылья Мысль и — дремлет, оставляя Человека во власти его сердца».

И, облаку заразно подобна, гнилая Пошлость, подлой Скуки дочь, со всех сторон ползет на Человека, окутывая едкой серой пылью и мозг его, и сердце, и глаза».

И Человек теряет сам себя, перерожденный слабостью своею в животное без Гордости и Мысли...»

Об этих и других человеческих пороках Горький пишет: *«И Слабостью рожденные три птицы — Уныние, Отчаяние, Тоска, — три черные, уродливые*

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 8–9

гизм недоступен его чувствам, только ужас перед своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его порою ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно недоступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...»

В статье «Разрушение личности» Горький дает емкое определение мещанству:

«Мещанство — проклятие мира; оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод; мещанство — чертополох; в шелесте его, злом и непрерывном, неслышно угасает звон мощных колоколов красоты и бодрой правды жизни. Оно — бездонно жадная тряпина грязи, которая засасывает в липкую глубину свою гения, любовь, поэзию, мысль, науку и искусство.

Болезненный нарыв на могучем теле человечества ныне, мы видим, совершенно разрушил личность, привив в кровь яд нигилистического индивидуализма, превращая человека в хулигана — существо бессвязное в самом себе, с раздробленным мозгом, изорванными нервами, неизлечимо глухое ко всем голосам жизни, кроме визгливых криков инстинкта, кроме шепота больных страстей».

Далее в той же статье «Разрушение личности» Горький поднимает тему анархии. Об анархической среде, рожденной в капиталистическом устройстве мира, где человек смиряется со «своим духовным уродством» и атомизируется, писатель говорит следующее: «Внутри такой среды идет хаотический процесс всеобщего пожирания: человек человеку враг, каждый рядовой грязной битвы за сытость сражается в одиночку, поминутно оглядываясь в опасении, чтоб тот, кто стоит рядом, не схватил за горло».

Кстати, анархия Горький также не отделяет от мещанства: «Анархия — вот признанный и неоспоримый результат мещанского творчества, и именно этой анархии мы обязаны всё острее ощущаемой убылью души».

Наконец, в очерке «Полю Верлен и декаденты» Горький развенчивает декаданс и указывает на страхи декадентов и на их слабость:

«Есть наслаждение в бою
И бездны мрачной на краю...»

«Наслаждение в бою недоступно тем, которые уже в день своего рождения были разбиты наголовой, явившись на свет невротатами, но наслаждение «на краю мрачной бездны» им по средствам, и они умеют пользоваться им, создавая одну за другой свои мрачные фантазии, предаваясь в них бреду безумцев и призывая следовать за собой безвольное и беспринципное общество, жадно ищущее пикантных ощущений и впечатлений».

Человек Горького — это личность, которая неотделима от единой целостной личности — народа. В статье «Разрушение личности» Горький дает определение роли народа: «Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Обсуждая вопрос социального развития человека, от первобытного сообщества до «сплошного мышления народа», Горький говорит о достижении человека в создании единых «гениальных символов» и образов и раскрывает наиболее важный образ для человечества — образ Прометея. «Создав героя, любясь и гордясь его мощью и красотой, народ необходимо должен был внести его в среду богов — противопоставить свою организованную энергию многочисленности сил природы,

взаимно враждебных самим себе и человечеству. Спор человека с богами вызывает к жизни грандиозный образ Прометея, гения человечества, и здесь народное творчество гордо возносится на высоту величайшего символа веры, в этом образе народ вскрывает свои великие цели и сознание своего равенства богам».

С. Е. Кургинян в передаче «Смысл игры»-89 говорит о «Прометеевском человечестве»: «Образ Прометея невероятно глубок. Он тянется из глубин древности в современность. <...> Прометей — это распятый. Прометей — это жертва за человечество. Прометей — это огонь с небес для людей. Это любовь к людям. Это воля к развитию. И это, конечно, прообраз Христа. <...> Осевым образом для Маркса был Прометей».

Лафарг, ученик Маркса, исследуя миф о Прометее в работе «Религия и капитал», пишет, что «Прометей не олицетворяет изобретение огня», и указывает на иную природу этого огня: «Огонь, похищенный Прометеем из источника, не является обыкновенным огнем, который известен смертным, но частью того священного огня, который Зевс отказался передать смертным».

Огонь, переданный смертным, дает возможность избавиться от деспотизма отца и зажечь свой семейный очаг, а значит, обрести бессмертную душу.

«Я дерзнул, я освободил смертных, я помешал им отправиться в Гадес и превратиться в ничто. <...> Я вложил в них дерзкие надежды... Я дал им огонь».

Наличие огня тесно сопряжено с бессмертием, с наличием бессмертной души. Лафарг пишет: «В эпоху, когда создавалась вторая часть мифа о Прометее, только отцы семейств могли обладать душой; а для того, чтобы иметь право зажечь семейный очаг, необходимо было, согласно религиозной идеологии, обладать головней священного огня, взятой из источника огня. Прометей, доставляя смертным головню из очага Олимпа, «источник огня», этим самым подарил им душу, утерянную ими с тех пор, как они стали жить под строем патриархальной семьи».

То есть человечество, организуясь и дерзнув восстать против природной стихии, способно обрести и вечный созидающий огонь, и власть творить богов, и бессмертие.

Идея «богостроительства» как создания нового бога народом явно родилась у Горького в результате его тесного взаимодействия с крупнейшими идеологами партии большевиков, и прежде всего с Луначарским и Богдановым. (Отметим, что позднее эта идея стала одной из важных причин расхождений между «богостроителями» и Лениным в партии и создания в РСДРП фракции «Вперед») Эта идея отражена и в художественных произведениях Горького.

Так, в повести «Исповедь» старец, встретившийся на пути Матвея, странствующего в поисках себя, бога и правды, говорит: «Богостроитель — это суть народушко! Неисчислимый мировой народ!.. Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедую; он есть начало жизни и несомненное; он отец всех богов бывших и будущих!» И сей ответ старца Ионы звучит «подобно первому грому весеннему».

Матвей, не понимая, о чем толкует встретившийся на его пути странник, спрашивает: «Неужели ты про мужиков говоришь?»

— Да, про весь рабочий народ земли, про всю ее силу, вечный источник боготворчества! Вот просыпается воля народа, соединяется великое, насильно разобщенное, уже многие ищут возможности, как слить все силы земные в единую, из нее же образуется, светел и прекрасен, всеобъемлющий бог земли!»

В повести можно проследить то, как изменился Матвей, узнав правду, в поисках которой он и отправлялся в странствие: «Ночью я сидел в лесу над озером, снова один, но уже навсегда и неразрывно связанный душой с народом, владыкой и создателем земли».

Сидел и слушал, как всё, что видел и познал я, растет во мне и горит единым огнем, я же отражаю этот свет снова в мир, и всё в нем пламенеет великой значительностью, одевается в чудесное, окрыляет дух мой стремлением поглотить мир, как он поглотил меня.

Нет у меня слов, чтобы передать восторг этой ночи, когда один во тьме я обнял всю землю любовью моею, встал на вершину пережитого мной и увидел мир подобным огненному потоку живых сил, бурно текущих к слиянию во единую силу, — цель ее — недоступна мне.

Но я радостно понял, что недоступность цели есть источник бесконечного роста духа моего и великих красот мирских, а в бесконечности этой — бесчисленность восторгов для живой души человеческой».

Горький обращается к метафорам света и тьмы, которые являются важнейшим контрастом во всех его произведениях: образ тьмы, холода и пустоты — и образ света и жизни, образ наполненности жизни возвышающим огнем. Борьба этих двух образов, в которой свет должен победить, есть определяющая суть мировоззрения Горького:

«Наутро и солнце явилось для меня с другим лицом: видел я, как лучи его осторожно и ласково плавили тьму, сожгли ее, обнажили землю от покровов ночи, и вот встала она предо мной в цветном и пышном уборе осени — изумрудное поле великих игр людей и боя за свободу игр, святое место крестного хода к празднику красоты и правды».

«Исповедь» Горький заканчивает молитвою и решением Матвея возвратиться туда, где очищают землю от ада:

«Ты еси мой бог и творец всех богов, соткавший их из красот духа своего в труде и мятеже исканий твоих!

— Да не будут миру бози инии разве тебе, ибо ты един бог, творяй чудеса! — Тако верую и исповедую! <...>

И — по сем возвращаюсь туда, где люди освобождают души ближних своих из плена тьмы и суеверий, собирают народ воедино, освещают пред ним тайное лицо его, помогают ему осознать силу воли своей, указывают людям единый и верный путь ко всеобщему слиянию ради великого дела — всемирного богостроительства ради!»

Подчеркнем, что угрозу народу как творцу «нового человека», как возможности истинного развития человечества, Горький усматривает прежде всего в мещанстве. В статье «Разрушение личности» Горький говорит: «Благодаря мещанству мы пришли от Прометея до хулигана».

Отметим, что когда Горький заговорил о создании «нового человека», в пресе тут же появились адресации к Ницше, который также говорил о некоем другом человеке, о «сверхчеловеке».

Исследовательница творчества Горького Л. А. Спиридонова пишет: «горьковская поэма была воспринята многими как проповедь ницшеанского толка, а ее герой как «сверхчеловек». Даже В. Г. Короленко в 1904 г. в «Русском богатстве» писал: «Человек г-на Горького, насколько можно разглядеть его черты, — есть именно человек ницшеанский: он идет «свободный, гордый далеко впереди людей (значит, не с ними?) и выше жизни (даже самой жизни?), один среди загадок бытия...».

Однако сравнение «Человека» Горького со «сверхчеловеком» Ницше тут же опровергали внимательные исследователи. Например, критик М. П. Неведомский (Миклашевский) тогда же писал: «Чело-

век», стоящий «выше людей», совсем не гений, не исключительная одаренная личность, а именно идея человечества... Это именно образ, вмещающий в себя «величие всё совершенствующей человеческой природы» и дальше «антисоциальное аристократическое настроение Ницше совершенно чуждо «Человеку». Этот Человек, несомненно, с ними, с людьми».

Л. Спиридонова, размышляя о сравнении ницшеанского сверхчеловека и горьковского Человека, обращается к словам Луки из пьесы Горького «На дне»: «Место хлама-народа должен со временем занять Человек с большой буквы, который вернет себе имя, и оно прозвучит гордо. Это не «сверхчеловек», ибо он родится от тех же столбцов, сапожников или крестьян. Это «новый человек», облика которого писатель еще не знает, но верит в его пришествие».

Важную тему об идее нового человека у Горького и Ницше нужно обсудить подробнее.

Ницше в своем труде «Так говорил Заратустра» пишет:

«Но теперь умер этот Бог! Вы, высшие люди, этот Бог был вашей величайшей опасностью. С тех пор, как лежит он в могиле, вы впервые воскресли. Только теперь наступает великий полдень, только теперь высший человек становится — господином!.. Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек».

У Ницше высшие люди противопоставляются маленьким людям с их ложными, рабскими добродетелями, противопоставляются толпе, которая «моргает: «мы все равны». «Вы, высшие люди, — так моргает толпа, — не существует высших людей, мы все равны, человек есть человек, перед Богом — мы все равны!», и что слышит в ответ? — «Перед Богом! — Но теперь умер этот Бог. Но перед толпой мы не хотим быть равны».

То есть речь здесь не о том, что Бога нужно воссоздать из человека. Идет противопоставление высших людей, они же — «сверхлюди», маленьким людям и их Богу, который умер.

О гибели бога говорит и Михайла, герой повести Горького «Исповедь». Но он говорит прямо противоположное Ницше: «Бог, о котором я говорю, был, когда люди единодушно творили его из вещества своей мысли, дабы осветить тьму бытия; но когда народ разбился на рабов и владык, на части и куски, когда он разорвал свою мысль и волю, — бог погиб, бог — разрушился!»... «Главное преступление владык жизни в том, что они разрушили творческую силу народа. Будет время — вся воля народа вновь сойдется в одной точке; тогда в ней должна возникнуть необоримая и чудесная сила, и воскреснет бог!»

Здесь гибель бога произошла по причине преступления «силных мира сего», и стремление народное направлено на восхождение бога. У Горького в этом вопросе нет обреченности и окончательности. Он видит причину гибели бога: «Разрушают народ, едино истинный храм бога живого, и сами разрушители гибнут в хаосе обломков, видят подлую работу свою и говорят: страшно! Мечутся и воят: где бог? А сами умертвили его».

Для Горького нет задачи возвести высших над низшими. Его задача — спасти и возвысить этих «низших». Горьковский герой Данко, который стал избранным, взяв на себя миссию спасти некогда великий народ, увидел оскаленных гримасами недовольных, уставших и заблудившихся в темном лесу людей: «А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

це вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня...»

В отличие от Горького, о жалости в речах ницшеевского Заратустры ни слова, но есть об «умаляющей добродетели»: «Сколько вижу я доброты, столько и слабости. Сколько справедливости и сострадания, столько и слабости... «Человек должен становиться всё лучше и злее» — так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека». Далее Ницше вновь подчеркивает пропасть между «низшими» и «высшими»: «Но всё это сказано не для длинных ушей. Не всякое слово годится ко всякому рылу. Это тонкие, дальние вещи: копыта овец не должны топтать их!.. «Для ближнего» — это добродетель только маленьких людей... у них нет ни права, ни силы для вашего эгоизма!.. Ибо люди не равны — так говорит справедливость. И чего я хочу, они не имели бы права хотеть!» — Так говорил Заратустра. «Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью. <...> В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель».

Ницшеанский «сверхчеловек» обладает духом и огнем, но он отказывается от всего человеческого, презирает его и отвергается от него. И жаждет отделиться от «людского отребья с его умаляющими добродетелями».

У Горького «новый человек» — не только выходец из народа. У Горького именно единый народ, в порыве своем устремленный «Вперед! И выше!», — рождает нового человека.

Леонид Андреев (1871–1919)

*Я, гонящийся за миражами,
отрицающий жизнь
и неспособный к покою...*

Л. Андреев

Русский писатель Леонид Николаевич Андреев родился в семье частного оценщика-землемера Николая Ивановича Андреева и дочери разорившегося помещика Анастасии Николаевны Пацковской. В семье существовала легенда о дворянском происхождении рода. Отец — внебрачный сын помещика — умер рано.

Маленький Леонид, красивый, шустрый мальчик, с детства увлекся чтением, но чтением совсем не детской для его возраста литературы. Как пишет Наталья Скороход, искусствовед и исследователь биографии Леонида Андреева, от изучения сказок-картинок Леонид сразу перешел как к приключениям (Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид), так и к бульварным авантюрным романам.

Биографы Андреева подчеркивают, что у мальчика совершенно стиралась черта между вымыслом и реальностью. Так, Н. Скороход пишет: «Для впечатлительного Лениши грань между «так было» и «так придумал» была неочевидна... Как ни странно, проведя свое детство в атмосфере абсолютной любви и относительного достатка, Лениша, как мне представляется, не получил вообще никакого воспитания, если, конечно, не считать воспитанием привычку мыть руки перед едой».

В гимназии и в университете учеником Леонид был неприлежным, отстающим и пренебрежительным к наукам, а также к «обычной» русской литературе. В школь-

Леонид Андреев. 1903 г.

ные годы на уроках Андрееву было скучно и совсем неинтересно изучать «Капитанскую дочку» Пушкина или «Детство» Толстого.

Однако же труд «В чем моя вера?» Льва Николаевича был поглощен юным Леонидом и, как считают исследователи, также стал руководством в жизни и, прежде всего, в вере. Хотя, по признанию самого Леонида, он взял отсюда только «отрицательную часть» и ничего от «верочувствий».

Андреев, с детства читавший много и без разбора, своим первым «сознательным отношением к книге» считает момент, когда обратился к Писареву, Толстому, Гартману, Шопенгауэру, Мошотту. В своей автобиографии он пишет: «Впервые прочел Писарева, а вскоре за тем «В чем моя вера?» Толстого. Это было в классе четвертом или пятом гимназии; и тут я сделался одновременно социологом, философом, естественником и всем остальным. Взрылся в Гартмана и Шопенгауэра, и в то же время наизусть (иначе нельзя было) вызубрил полкнижки «Учение о пище» Мошотта».

В дневниках Андреев отмечает, что идеи Шопенгауэра завладели его умом и сердцем, книга «Мир как воля и представление» стала одной из любимейших книг. Исследователь В. Брусянинов в биографии Андреева пишет, что юный еще Андреев поставил себе задачу «своими писаниями разрушить и мораль, и установившиеся человеческие отношения, разрушить любовь и религию и закончить свою жизнь всеразрушением». Отметим, что подобные идеи позже будут прорываться почти в каждом произведении писателя.

Анна Ильинична, в девичестве Матильда Денисович, вторая жена Андреева, в своих воспоминаниях от 14 мая 1921 года напишет о том, что не может выполнить просьбу покойного мужа сжечь его ранние дневники и что намерена сделать конспекты записей. Эти дневники в настоящее время находятся в Русском архиве в английском г. Лидсе.

Кстати, кем была его жена, которая после смерти супруга, эмигрировав на Запад,

занималась распространением творчества покойного мужа, издавала его рассказы, пьесы? Как следует из справки В. Чувакова для книги «Далекие. Близкие», Анна Ильинична была связана с эсерами, с 1905 года принимала участие в работе эсеровской организации. Была близко знакома с лидерами партии эсеров Николаем Авксентьевым, Ильей Бунаковым-Фондаминским, а также с основателем и теоретиком партии эсеров Виктором Черновым. Находилась под наблюдением охранки, ее отец и сестра Виктория были арестованы.

Мать же Анны Ильиничны, Анна Яковлевна и сестра Ия (в замужестве Бердичевская) были связаны с большевиками. Анна Ильинична, выйдя вторично замуж за Андреева, с матерью и сестрой Ией по настоянию мужа прекратила общение.

В конспект дневника своего будущего мужа Анна Ильинична включила копию обложки с такими строками:

*Кто беспокойному сердцу ответит?
Море любви ему в вечности светит,
Светит желанный покой.*

Далее она в этом конспекте пишет, что молодой Андреев рассуждает о Шопенгауэре, о его «Метафизике любви», о Гартмане и о своей склонности к «скептицизму и неверию».

Анна Ильинична продолжает: «Думаю, что тлетворно влияли на него чисто естественные науки, их теории и объяснения. (В свое время они принесли и мне много яду.) Такие вещи, как борьба за существование, право сильного, улучшение породы, «всё дозволено, что на благо тебе», — одним словом, всё, что не имеет или отрицает всякий этический элемент... Везде красной нитью проходит: тоска и просто скука, скука».

Исследователь творчества Л. Андреева профессор-историк А. Волков также пишет, что юношеское увлечение философией Гартмана и Шопенгауэра «дало свои плоды», и что в дальнейшем Андреев в поисках ответов на постоянно мучившие его «проклятые вопросы» обращался «к идеа-

листическим построениям философов». Волков, ссылаясь на письма уже зрелого писателя Андреева к В. А. Львову-Рогачевскому в 1908 году, подчеркивает, что «влияние пессимистической философии Шопенгауэра довольно устойчиво сказалось на его творчестве. Идеалистическая философия питала андреевскую идею «всеотрицания»».

А далее Андреев открыл для себя Ницше с его «Так говорил Заратустра», которого ему переводил товарищ-гимназист. Идеи этого немецкого философа были приняты всей душой и малообразованным умом подростка.

Конечно, нельзя оценивать личность вне той эпохи и среды, в которой она формируется. Становление будущего писателя Леонида Андреева пришлось на нелегкие 80-е годы XIX века, получившие название «эпохи безвременья и реакции». Как записал Андреев в дневнике, «эпоху 80-х годов можно было бы назвать временем полюбленных авторитетов, столь велико было ощущение кризиса общественных и нравственных устоев, который так или иначе был выражен в произведениях тогдашних властителей дум — А. Толстого и Михайловского, Чехова и Гаршина, Г. Успенского и Надсона. Сомнения во всеилии разума, в возможности разумного мироустройства, трагическое ощущение диссонансов бытия, разочарование в могуществе науки, кризис христианской этики — всё это лишь углубляло природную расположенность к трагическому мироощущению юноши, жаждавшего в книгах найти ответы на мучившие его «проклятые вопросы».

«Эпоха безвременья» дала свои плоды. Пессимизм Шопенгауэра, разрушение и избавление «от хлама» в вопросах морально-нравственных у Писарева, примитивизированный материализм Мошотта, который гласит, например, что мозг выделяет мысль, как печень желчь; ницшеанский сверхчеловек и копание в человеческой душе «по-достоевски» — всё это привело к тому, что чересчур впечатлительный, эмоционально не окрепший мальчик превратился в того писателя Леонида Андреева, произведения которого буквально нашпигованы ужасом, страхом, фундаментальным пессимизмом и обреченностью.

Леонид Андреев — эволюция мировоззрения

Пример погружения в обреченность у Л. Андреева — рассказ «Молчание» (1900), за который Лев Толстой поставил молодому автору «пятерку» (хотя в целом Толстой Андреева недолго любил: известна толстовская фраза «Он пугает, а мне не страшно»). В рассказе «могильное» молчание дочери священника, покончившей самоубийством, превращается в преднамеренное молчание бога — «молчание очень страшное, ужасающее молчание», которое фундаментально отлично от тишины. У Андреева тема богооставленности мира и человека зазвучала в русской литературе начала XX столетия наиболее громко.

В андреевском рассказе «Мои записки» не только мир, но и вселенная представляется как тюрьма, которая тоже может быть прекрасной, хотя от этого совершенно не перестает быть тюрьмой. Рассказ заканчивается фразой о том, что и «при закате солнца наша тюрьма прекрасна».

Главный персонаж «Мои записки» по неизвестным причинам попадает в тюрьму и в своих воспоминаниях описывает случай самоубийства художника-заключенного, который покончил с собой после того, как понял, что всё «бесцельно» и бессмысленно. И перед смертью написал записку с одной лишь фразой — «Я уйду из вашей тюрьмы».

Продолжение на стр. 12

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение. Начало — на стр. 8–11

Далее персонаж рассуждает о том, что «уход» — это легкий путь вместо «того, чтобы тратить десятки лет на титаническую борьбу, вместо того, чтобы в отчаянных потугах, изнемогая от ужаса перед лицом неразгаданных тайн, стремиться к подчинению мира моей мысли и моей воле», легче «уйти». Самоубийство, которое и главный персонаж, по признанию, не раз обдумывал, — это «одно мгновение неслышной боли — я уже на свободе, я уже торжествую над замком и стенами, над правдой и ложью, над радостью и страданиями».

В этот, казалось бы, окончательный момент разрешения персонаж, описывая свои мысли, пишет: «Я, с не покидавшего меня даже в эти минуты склонностью к мышлению, подумал: но куда же я иду? Ответ был: я иду в смерть. А что такое смерть? И ответ был: не знаю. И этих коротких размышлений было достаточно, чтобы я пришел в себя и с горьким смехом над малодушием своим снял с шеи роковую петлю».

Обращаясь к самоубийце и смеясь над его глупостью и над «смешным разрывателем уз вечности», персонаж продолжает свои рассуждения: «Кто сказал вам, что наша тюрьма кончается здесь, что из одной тюрьмы вы не попали в другую, откуда уж едва ли придется вам бежать! Вы поторопились, мой друг, вы страшно поторопились, вы забыли меня спросить кое о чем, и кое-что я сказал сам вам; я сказал бы вам, что как над тем, что вы зовете жизнью и бытием, так и над тем, что вы называете небытием и смертью, одинаково царит всемогущий Закон. Только глупцы, умирая, думают, что они кончают с собой, — они кончают только с одной формой себя, чтобы немедля принять другую».

Из признания, что «тюрьма бессмертна», придуманного сна, в котором ему довелось видеть «иную величественную тюрьму, и прекрасных тюремщиков с белыми крыльями за спиной, и г. главного начальника тюрьмы; не помню, были ли там окошечки на двери или нет, но кажется, что были: мне помнится что-то вроде ангельского глаза, с нежным вниманием и любовью прикованного ко мне», здесь мы можем понять, что речь идет об идее заброшенности, оставленности, тотального, абсолютного одиночества, безысходности «заточения». Уйти из этого мира можно, но это всё равно не принесет избавления!

Уже большинство ранних рассказов Андреева перегружено разрушительной отчаянной тоской, он много внимания уделял порокам человеческим и в каком-то смысле смаковал их. Жизнь Андрееву казалась бессмысленной и никчемной. Исследователь-литературовед П. Басинский утверждает: «Никто не дал такой концентрированной картины зла, как автор «Стены» (1901), «Жизни Василия Фивейского» (1903) и «Красного смеха» (1904)». Иннокентий Анненский замечает, что Леонид Андреев «воспринимает жизнь как мучительно острую загадку. Он не обволакивает нас ею, как делал это Чехов, а колет и шпыняет».

Во многих рассказах Андреева обнаруживается его тезис о том, что мир и человек всегда неизбежно друг другу противостоят. На это указывал Вацлав Воровский, который писал, что в произведениях Андреева, как ранних, так и поздних, где личная психология является главной темой, «вы всё время чувствуете, что личность здесь бьется о преграды, поставленные социальными условиями, а сама психология личности — особенно в ее отклонении от нормы — является непосредственным порождением этих же социальных условий».

Многие знавшие Андреева, включая Горького, отмечали в нем очень резкие

перепады в настроении и бодрости духа, а также его парадоксальные увлечения.

Корней Чуковский вспоминал: «Иногда, глядя на него, как он хозяйским, уверенным шагом гуляет у себя во дворе, среди барских конюшен и служб, в сопровождении Тюхи, великопленного пса, или как в бархатной куртке он позирует перед заезжим фотографом, вы не верили, чтобы этот человек мог носить в себе трагическое чувство вечности, небытия, хаоса, мировой пустоты. Но в том-то и заключалась основная черта его писательской личности, что он — плохо ли, хорошо ли — всегда в своих книгах касался извечных вопросов, трансцендентных, метафизических тем. Другие темы не волновали его».

Та литературная группа, среди которой он случайно оказался в начале своего писательского поприща — Бунин, Вересаев, Чириков, Телешов, Гусев-Оренбургский, Серафимович, Скиталец, — была внутренне чужда Леониду Андрееву. То были бытописатели, волнуемые вопросами реальной действительности, а он среди них был единственный трагик, и весь его экзотический, эффе́ктный, чисто театральный талант, влекущийся к грандиозным, преувеличенным формам, был лучше всего приспособлен для метафизико-трагических тем».

При этом талант Андреева признавали и члены этой литературной группы, и вовсе не расположенные к нему российские писатели и интеллектуалы. Так А. Луначарский писал: «По силе воздействия на массового читателя оспаривать пальму первенства в лагере реалистов мог только Леонид Андреев».

Современники Андреева вспоминают, что излюбленной его темой была тема смерти. Обычно после припадка веселья он мрачнел и заводил «монологи о смерти». К. Чуковский пишет: «Слово «смерть» он (Андреев) произносил особенно — очень вытукло и чувственно: смерть, как некоторые сластолюбцы — слово женщина. Тут у Андреева был великий талант: он умел бояться смерти, как никто. Бояться смерти — дело не легкое; многие пробуют, но у них ничего не выходит; Андрееву оно удавалось отлично; тут было истинное его призвание: испытывать смертельный, отчаянный ужас. Этот ужас чувствуется во всех его книгах, и я думаю, что именно от этого ужаса он спасался, хватаясь за цветную фотографию, за граммофоны, за живопись. Ему нужно было хоть чем-нибудь загородиться от тошнотворных приливов отчаяния».

Луначарский же определяет Андреева как «самого могильного могильщика», который «хочет быть убийцей».

Историк Дмитрий Чураков, исследуя русский декаданс, приводит оценку творчества Л. Андреева, данную В. Воровским. Воровский писал, что произведения Андреева во многом отражают черты, «общие для эстетики декаданса, ее пограничных воплощений вообще. Преобразование жизни через ее отрицание, уход от реальности через самоубийство — такая позиция не могла быть жизнеспособной мировоззренческой базой». Воровский также говорит, что Андреев «не верит и в самую жизнь», и есть только один выход — смерть. «Но нельзя ни разрешить, ни осветить вопрос жизни, когда отрицаешь саму жизнь, когда не веришь в жизнь, когда оцениваешь бытие, исходя из апологии небытия».

Чураков указывает, что в условиях кризиса подобные семена способны обильно прорасти, а также напоминает, что, как писали критики начала XX века, именно рассказы Л. Андреева «вызвали целую эпидемию самоубийств среди молодежи, разочарованной в социальной действительности, путей преобразования ко-

торой они не смогли сразу разглядеть в сумерках политической реакции».

О косвенной связи Андреева с самоубийствами писал и близкий к нему Корней Чуковский: «В страшные послереволюционные годы (1907–1910), когда в России свирепствовала эпидемия самоубийств, Андреев против воли стал вождем и апостолом уходящих из жизни. Они чуяли в нем своего. Помню, он показывал мне целую коллекцию предсмертных записок, адресованных ему самоубийцами. Очевидно, у тех установился обычай: прежде, чем покончить с собой, послать письмо Леониду Андрееву».

Чуковский также указывает на внутреннюю близость творчества Андреева к декадентам: «Не только по идее, но и по художественным приемам Андреев близок к декадентам, в частности к Сологубу; то же отсутствие бытового колорита, та же декламационность и истерическая приподнятость стили характерны для Сологуба».

Что же такое декаданс в России?

Доктор исторических наук Александр Волков в своей работе «Русская литература XX века. Дюктябрьский период» так описывает это явление:

«Уход из этого мира, «где истинно нет», взлеты в поднебесную высь, падение ниц перед образом «сущего», возвеличение себя до сверхчеловека, стоящего над миром, проповедь крайнего индивидуализма и «чистого искусства», прославление смерти и «мечтания о воле свободной» — таков внешне многообразный, а по существу субъективно ограниченный мир ранней поэзии декадентов».

Волков в связи с этим напоминает характерные строки Бальмонта:

Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

Затем Волков продолжает: «Декаденты, якобы занятые «мистическим притворением двери в вечность», на самом деле стремились парализовать демократическую борьбу с «ненавистной твердыней» старого мира. Все их претензии на роль борцов и ниспровергателей были неосновательными».

Волков также пишет, что противопоставление личности «толпе» стало одним из самых распространенных мотивов декадентской поэзии, и приводит слова еще одного представителя русского декаданса, Зинаиды Гиппиус: «Я не умею жить с людьми», «мне нужно то, чего нет на свете».

Любопытный эпизод из жизни Андреева, который, возможно, дает нам ключ к более глубокому пониманию его мироощущения, приводит Горький. В очерке «Леонид Андреев» Горький рассказывает о встрече и беседе Андреева с отцом Феодором Владимирским, протоиереем города Арзамаса, когда они оба оказались в гостях у Горького в Нижнем Новгороде. Андреев, увидев старика-монаха, сначала крайне удивился. Но вскоре, вступив с ним в беседу, был восхищен, о чем впоследствии и сказал Горькому.

Горький пишет: «Через час, за самоваром, он (Андреев), буквально разинув рот, слушал, как протоиерей нелепого города Арзамаса, пристукивая кулаком по столу, порицал гностиков за то, что они боролись с демократизмом церкви, стремясь сделать учение о богопознании недоступным разуму народа».

— Еретики эти считали себя высше-го познания искателями, аристократами духа, — а не народ ли, в лице мудрейших водителей своих, суть воплощение мудрости божией и духа его?

«Докеты», «офиты», «илерома», «Карпократ», — гудел отец Феодор, а Леонид, толкая меня локтем, шептал:

— Вот олицетворенный ужас арзамасский!

Но вскоре он уже размахивал рукою перед лицом отца Феодора, доказывая ему бессилие мысли, а священник, встряхивая бородой, возражал:

— Не мысль бессильна, а неверие.
— Оно является сущностью мысли...
— Софизмы сочиняете, господин писатель...»

Дальше Горький пишет, что когда легли спать, то в дверь постучали «и явился Леонид, встрепанный, возбужденный, с расстегнутым воротом рубахи, сел на постель ко мне и заговорил, восхищаясь:

— Вот так по! Как он меня обнаружил, а?»

Несмотря на усиливающиеся мировоззренческие расхождения, еще в 1905–1906 г. Андреев ощущал себя идеологическим и политическим соратником Горького. Однако уже в тот период между ними намечалось отчуждение, которое после поражения первой русской революции начало приобретать всё более явные и открытые формы.

Исследователь А. Волков отмечает, что «на раннем этапе своей литературной деятельности Андреев — талантливый реалист — был в рядах писателей демократического направления». «В годы первой революции Андреев субъективно считал себя борцом и пытался в поведении «подражать» Горькому; он сочувствовал революционному движению, подвергался репрессиям со стороны правительства за предоставление своей квартиры для нелегальных заседаний ЦК РСДРП».

Для настроений Андреева этого времени весьма показательна драма «К звездам», написанная в октябре — ноябре 1905 года. В ней звучат гордые слова о радости жить и умереть в борьбе во имя идеалов «справедливости, о величии и бессмертии человечества, идущего через муки, страдания и кровь к светлому будущему».

Но постепенно Андреев, выходя из себя, переходит в другой лагерь: «Неверие в прекрасное и человеческое, проповедь смерти как избавления отмечают страницы таких его произведений, как «Стена», «Мысль», «Бездна».

А. Волков замечает, что пока Андреев еще не определился до конца, с кем он, декаденты подвергали его жесткой критике:

«Философов называл символизмом Андреева «картонным», Гиппиус утверждала, что мистика у Андреева «какая-то не мистическая». Близкую оценку найдем и у Брюсова, писавшего в связи с появлением «Жизни Василия Фивейского»: «При внешнем таланте изображать события и душевные состояния, Л. Андреев лишен мистического чувства, лишен прозрения за кору вещества. Грубо материалистическое мировоззрение дарование Л. Андреева, лишает его творчество истинного полета...»

В представлении Брюсова и его единомышленников Андреев — писатель, лишенный понимания высших запросов культурного человека. Они выносили Андрееву единодушный приговор: писатель талантливый, но не культурный. Наиболее ясно данное заключение было выражено в статье Брюсова, написанной в связи с постановкой «Жизни человека» в Московском Художественном театре. Брюсов писал: «Л. Андреев как художник не связан с высшей духовной жизнью своего века, а его современ. Я бы выразил это еще иначе. Л. Андреев — талантливый писатель, но не умный и не образованный человек».

Однако ряд пронизательных литераторов из революционного лагеря отмечали, что Андреев всё отчетливее склоняется к декадентству. Такие оценки появились после публикации Андреевым рассказа «Тьма». Причем некоторые авторы этих

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Карл Булла. Стоят слева направо И. Репин, В. Стасов, Л. Андреев, М. Горький, И. Тарханов, сидят их дамы в Пенатах. 1904 г.

Карл Булла. Максим Горький с женой М. А. Андреевой в Пенатах. 1903 г.

Карл Булла. Леонид Андреев с женой А. М. Велигорской в Пенатах. 1903 г.

оценок, как и Горький, находили у этого «декадентского поворота» мещанские корни.

Так, А. Дуначарский в критическом эссе «Тьма» называет Андреева «зафилософствовавшийся мещанин»: «Но здоровый читатель сумеет вынести из Андреева хороший урок. Он примет то, что положительно в его критике, и отвергнет напыщенное мудрствование зафилософствовавшегося мещанина».

И далее: «Мысль Андреева всегда будет слаба в своих титанических потугах, ибо он мещанин. Он дошел до нигилизма, до всеотрицания. Боже мой, пустое и всеобщее отрицание есть только утверждение, ибо во тьме, в которую Андреев хочет погрузить мир, все кошки становятся серы. Чтобы тьма была тьмой, надо противопоставить ей свет. Андреев боится его. Другие ищут его и не могут найти. Видели даже, но душа их мещанская не приемлет его, заставляет их искажать его, превращать для себя в полусвет».

В защиту творчества Андреева от подобных обвинений позже выступил близкий ему Корней Чуковский. Чуковский в литературном этюде «Леонид Андреев пишет: «Но замечательно: при всей провинциальности в нем не было и тени мещанства. Обывательская мелочность, скаредность, обывательское «себе на уме» были чужды ему совершенно; он был искренен, доверчив и щедр; никогда я не замечал в нем ни корысти, ни лукавства, ни карьеризма, ни двоедушия, ни зависти».

Однако факт поворота Л. Андреева к декадентству никто, похоже, не отрицал, особенно после рассказа «Тьма».

Рассказ посвящен революционеру, которому вдруг открылась «новая правда», — и он отрекся от революционного дела, сошелся с проституткой и провозгласил угасание огня и тьму.

«Рассказ «Тьма», — писал В. Воронский, — очень резко порывает с периодом надежд и увлечений; он не только констатирует торжество тьмы, как в прежних произведениях г. Андреева, он идет дальше и дает апологию этой тьмы».

Былой призыв из рассказа «К звездам!» в рассказе «Тьма» уступает место другому призыву: «Погасим огни и все полезем во тьму! Зрячие, выколем себе глаза!» Слова «стыдно быть хорошим» выражают покаянное настроение не только героя, но и самого Андреева. «Правда» публично дома покоряет «революционера»; в конце рассказа он провозглашает тост «за нашу братию! За подлецов, за мерзавцев, за трусов,

за раздавленных жизнью...» Он не только восхваляет тьму и мрак, но призывает зрячих выколоть себе глаза, «ибо стыдно зрячим смотреть на слепых от рождения!»... «Выпьем за то, девицы, чтобы все огни погасли. Пей, темнота!»

Горький считал «Тьму» одной из главных причин разрыва своих отношений с Андреевым. В письме к Андрееву он писал: «А почему случилось — сейчас скажу: первое — «Тьма». Обиделся я на тебя за нее, ибо этой вещью ты украл у нищей русской публики милостыню, поданную ей судьбой. Дело происходило в действительности-то не так, как ты рассказал, а лучше, человечнее и значительнее. Девица оказалась выше человека, который перестал быть революционером, и боится сказать об этом себе и людям. Был праздник, была победа человека над скотом, а ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим».

Рассказ «Тьма» — не единственное произведение Андреева, компрометирующее революцию и человека в революции. А. Волков подчеркивает: «В разгар революции Андреев пишет рассказ «Так было» — насквиля на революцию. Автор утверждает здесь мысль, что существо всякой революции заключается в замене одной тираннии другой. Он изображает поднявшийся на революционную борьбу народ в виде стихийной, кровожадной и неорганизованной звериной силы. Дискредитируя идею революционного изменения действительности, автор утверждает мысль: «Так было — так будет». Эти слова проходят лейтмотивом через весь рассказ».

В своей другой пьесе — «Царь-голод» Андреев описывает тьму, которая торжествует, и провозглашает невозможность преодоления этой тьмы: все и всё оказываются обречены. Пьеса призывает не народ — к революционному преобразению действительности, а толпу — к бунту: «Ломайте машины, режьте ремни, заливайте котлы!.. Черными тенями легонько крадитесь среди народа — и насильуйте, убивайте, крадите и смейтесь, смейтесь!»

А далее, после описания бунтарских оргий, в пьесе звучит: «Чего добились, безумцы? Куда шли? <...> У нас пушки, у нас ум, у нас сила, — что у вас, несчастная падаль? <...> И сегодня же ночью вас поглотит черная земля, и на том месте, где вы будете зарыты, вырастет жирная трава, и ею мы будем кормить нашу скотину. Вы этого хотели, безумцы?»

Наконец, в пьесе «Савва» Андреев пишет о разрушении и пламени, от которых нет спасения. Главный герой Савва произ-

носит восторженную речь о разрушении: «Ага! Зазвонили! Звоните, звоните! Скоро зазвонит вся земля. Я слышу! Я слышу! Я вижу, как горят ваши города. Я вижу пламя! Я слышу треск! Я вижу, как валяются на голову дома! Бежать некуда! Спасения нет! Спасения нет! Огонь везде! <...> Земля выбрасывает вас. Нет вам места на земле! Нет! Он идет! Я вижу его! Он идет, свободный человек! Он родится в пламени! Он сам — пламя и разрушение».

Дружба-вражда

Еще раз подчеркнем, что первоначально Андреев и Горький были близки. Горький очень хорошо оценил уже первый серьезный рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». Но в дальнейшем их взгляды постепенно и неуклонно расходились и дружба превращалась в «дружбу-вражду».

Андреев тянулся к Горькому и в то же время отталкивал его, чувствуя силу писателя в том, что тот, не поддавшись мучительным страхам и отчаянию, которые преследовали самого Андреева, всё свое творчество посвятил поиску ответов на эти вызовы.

Доктор исторических наук Александр Волков, обращаясь к рассказу Андреева «Молчание», указывает на тему антагонизма между поколениями и подчеркивает, что автор видит причину во влиянии рока, фатальной неизбежности. Эта идея прослеживается и в других произведениях Андреева. «Андреев раскрывает плохое начало в человеке и, в отличие от Горького, не верит в его преодоление. Это плохое начало торжествует в человеке. Отсюда мотивы пессимизма, которые уже сказались в раннем творчестве Андреева...»

В 1912 году Андреев пишет Горькому: «Каждый из нас представляет собой известную общественную силу, наша дружба или вражда выходит за пределы личного нашего удовольствия или огорчения».

Исследователь П. Басинский подчеркивает полную противоположность взглядов Андреева и Горького на человека: «Если Горький бросил взгляд на человека «на дне» и призвал его поднять голову и увидеть свет, то Андреев предпочитал думать, что под «дном» жизни открывается еще и «бездна», которая поглощает человека вопреки его воле и разуму». В подтверждение Басинский приводит рассказ Андреева «Бездна» (1902): «И черная бездна поглотила его»... «Человек не в состоянии противиться «зверю», который сидит в нем и вынуждает совершить чудовищный поступок: надругаться над любимой девушкой!»

Горький понимал природу переживаний Андреева и также указывал на причину, которая всё более разъединяла их. В воспоминаниях Горький писал: «Я думаю, что хорошо чувствовал Л. Андреева: точнее говоря — я видел, как он ходит по той тропинке, которая повисла над обрывом в трясину безумия, над пропастью, куда заглядывая, зрение разума угасает».

Велика была сила его фантазии, но — несмотря на непрерывно и туго напряженное внимание к оскорбительной тайне смерти, он ничего не мог представить себе по ту сторону ее, ничего величественного или утешительного, — он был все-таки слишком реалист для того, чтобы выдумать утешение себе, хотя и желал его».

Это его хождение по тропе над пустотой и разъединяло нас всего более. Я пережил настроение Леонида давно уже, — и, по естественной гордости человеческой, мне стало органически противно и оскорбительно мыслить о смерти».

Однажды я рассказал Леониду о том, как мне довелось пережить тяжкое время «мечтаний узника о бытии за пределами его тюрьмы», о «каменной тьме» и «неподвижности, уравнивающей навеки», — он вскочил с дивана и, бежая по комнате, дирижируя искаленной ладонью, торопливо, возмущенно, задыхаясь, говорил:

— Это, брат, трусость, — закрыть книгу, не дочитать ее до конца! Ведь в книге — твой обвинительный акт, в ней ты отрицаешься — понимаешь? Тебя отрицают со всем, что в тебе есть, — с гуманизмом, социализмом, эстетикой, любовью, — всё это — чепуха по книге! Это смешно и жалко: тебя приговорили к смертной казни — за что? А ты, притворяясь, что не знаешь этого, не оскорблен этим, — цветочками любуешься, обманывая себя и других, — глупенькие цветочки!..»

Горький продолжает: «Обняв меня за плечи, он сказал, усмекаясь:

— Ты — всё видел, черт тебя возьми! И — «каменную пустоту» — это очень хорошо — каменная тьма и пустота!

И — бодая меня головою в бок: — Иногда я тебя за это ненавижу. Я сказал, что чувствую это».

— Да, — подтвердил он, укладывая голову на колени мне. — Знаешь — почему? Хочется, чтоб ты болел моей болью, — тогда мы были бы ближе друг другу, — ты ведь знаешь, как я одинок!»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Павлу противостоял настолько обширный заговор, что возникает мысль о глубоком неприятии грандиозных павловских реформ большей частью элиты России

Павел I как субъект политической войны — 2

В предыдущей части работы, посвященной Павлу I («Суть времени», № 144), мною было разобрано несколько обстоятельств, важных для понимания той политической войны, которая велась против Павла:

1. Первое, что я попытался обосновать, — это мысль о том, что Павел не был сумасшедшим. Его действия носили последовательный, прагматичный характер и опирались на масштабные геополитические и метафизические планы. Слухи о сумасшествии Павла распространялись его матерью Екатериной II, а после воцарения Павла I — изгнанным английским доктором. Часто примером «безумия» Павла называется проект покорения Индии. Однако этот «безумный план» возник в царствование Екатерины II, его вынашивал и реализовывал будущий непосредственный убийца Павла — Леонтий Беннигсен.

2. Стремление объединить орденовые традиции католицизма с православием вызвано не сумасбродством Павла, а кризисом христианства, возникшего в результате Великой французской революции и наполеоновских завоеваний. К примеру, широко известен исторический парадокс: в результате взятия Бастилии свободу получил не только восставший народ, но и испровергатель христианской морали маркиз де Сад, который затем занял высокий пост министра здравоохранения (комиссар государственного Совета по здравоохранению), а также ряд других должностей в администрации Первой республики. Европе необходим был развернутый ответ на вызов Нового времени. Павел пытался сконструировать этот ответ. И его попытки привлекали внимание всей Европы. Весьма показательно, например, что Гёте аккуратно собирал все новости о событиях, связанных с русским царем.

3. Также вполне понятна отчаянная попытка Павла реформировать государственное управление на основе жестких орденовых принципов. Ему досталась страна с огромным государственным долгом и ненасытной элитой, которая страстно хотела построения рыхлой аристократической республики. Павел прекрасно понимал, что Россия находится на грани большой войны (неважно, с Англией или Францией), и видел необходимость прекращения дворянской вольницы.

4. Хотя политика, проводимая Павлом, затрагивала жизненно важные интересы Англии, заговор против него не сводится к козням англичан. Да, действительно, союз России с Францией угрожал Великобритании. Павел и Наполеон делили Европу, Средиземноморье (вопрос об острове Мальта), Турцию, Персию, Индию, и было понятно, что такой союз серьезно подорвет британское владычество. Однако, списать весь заговор на «английское золото» не позволяют факты. Хотя бы потому, что это «английское золото» почти сразу было украдено и не дошло до заговорщиков... и т. д.

Павлу противостоял настолько обширный заговор, что возникает мысль о глубоком неприятии грандиозных павловских реформ большей частью элиты России. Сотни фамилий — дворянство, чиновничество (вплоть до губернского — Смоленский заговор), военные (заговор Каховского в Малороссии) — образовывали разветвленную сеть заговорщиков в России и за рубежом. Теперь двигаемся дальше.

Граф Петр Алексеевич Пален. С гравюры Валькера, сделанной с портрета Кюгельхена

В этой части работы я рассматриваю механизм заговора, организованного вторым человеком империи — Петром Паленом. Кроме того, важно отметить то, что Павел вовсе не был безвольной жертвой политической войны, более того, он был близок к победе в войне с заговорщиками. Давайте разберем несколько ключевых моментов этой войны. Прежде всего, ответим на вопрос: кем были убийцы Павла?

*Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.*

Образ «янычар», употребленный Пушкиным для описания заговорщиков в оде «Вольность», необыкновенно точен. Ядро заговора состояло из людей предельно холодных, циничных и жестоких. Людей, не связанных плотно с тканью русской государственности. Возникает впечатление, что Пален, Беннигсен, Дерибас, Кутайсов, Жеребцова — это пришлые временщики, наемный персонал, когорта «эффективных менеджеров». Они, как грибы, выросли на кем-то удобренной почве.

I. Путь Палена к власти

Политическая война против Павла I направлялась из нескольких источников и имела всего одного «технического директора», координировавшего заговор.

Это была энергичная, талантливая личность, которая смогла организовать действия разрозненных, враждебных Павлу I сред в российской элите.

Этот «великий комбинатор» — граф Петр Людвиг фон дер Пален (Петр Алексеевич Пален), остзейский дворянин, потомок древней немецкой орденовой знати, генерал-губернатор Курляндии.

Именно он выступил элитным оператором политической борьбы против Павла I. Пален занял операторское место в результате сложнейшей интриги, целостное описание которой удалось составить по данным разрозненных источников. Схематично рассмотрим эту интригу. Как курляндский барон фон дер Пален оказался в Петербурге?

Прежде всего, он был удачно женат на баронессе Юлиане Шеппинг — близкой знакомой и родственнице Шарлотты Карловны Ливен, придворной воспитательницы Романовых. Шарлотта Карловна воспитала пять императоров, в том числе и Павла I. Супруга Палена появилась при «молодом дворе» в ранге статс-дамы жены Александра Павловича, Елизаветы Алексеевны. Дамский союз Шарлотты Карловны и Елизаветы Алексеевны открыл бывшему губернатору Курляндии в Петербург.

Таким образом, Пален оказывается вхож в так называемый «молодой двор» наследника престола Александра Павловича. Оппозиционный кружок — «круг молодых друзей наследника», к которому вели нити Смоленского военного заговора, рекрутировался именно из этой среды. Пален — обаятелен, открыт, добродушен, любимец двора. В кружок «молодых друзей» входили

представители высших аристократических семей: П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыйский. В этом обществе обсуждались модели смены власти, оппозиционный кружок ставил своей конечной целью конституционное преобразование России.

Но ведь мало оказаться в оппозиционной среде, для построения заговора необходимы рычаги власти, то есть должность, предоставляющая широкие полномочия, как военные, так и гражданские. Генерал-губернатор Петербурга — это идеальная должность для осуществления заговора. Но этот пост занимал граф Буксгевден (в 1797–1798 гг.), относящийся к «клану Куракиных». А этот «клан», в свою очередь, образовывал внутренний круг опоры Павла I.

Александр Куракин — это друг детства Павла. После коронации «клан Куракиных» сумел распределиться и занять важнейшие посты, опираясь при этом на фаворитку императора Павла — Екатерину Нелидову, которая находилась в близких, доверительных отношениях с императрицей Марией Федоровной.

Для того чтобы продвинуть Палена на нужную должность, заговорщики «расщепляют» ядро ближнего круга Павла. Как это происходит?

Кутайсов, Ростопчин и другие недоброжелатели императрицы убеждают Павла, что он всецело находится под опекой супруги и ее камер-фрейлины. Императору внушили, что женщины «царствуют его именем».

Иван Павлович Кутайсов — фаворит Павла, камердинер, личный брадобрей. Турок, купленный генералом Репниным и подаренный Павлу в его бытность престолонаследником. Парикмахерскому искусству он обучился в европейских столицах — Париже и Берлине. Оказавшись вблизи Павла, пластичный Кутайсов сумел расположить к себе императора так, что оказывал на него немалое влияние. После восшествия на престол Павел сначала сделал его гардеробмейстером, затем произвел в баронское, а позднее графское достоинство. Так Кутайсов стал одним из самых богатых людей России.

Следующая значимая фигура — Федор Васильевич Ростопчин, генерал от инфантерии, который был фаворитом Павла и руководителем его внешней политики. Именно Ростопчин являлся архитектором союза России и Франции. Он честно и самоотверженно служил Павлу и считался основным оппонентом Палена.

Эти два вышеназванных деятеля дворцовой и международной политики сумели организовать замену Нелидовой на новую фаворитку — княгиню Анну Лопухину. Любовь императора к г-же Нелидовой прекращается. В результате этого ослабляются позиции императрицы и клана Куракиных, при этом Лопухины не образуют новый ближний круг императора. В этих условиях на высшие государственные посты пролезают люди заговорщиков. Отец Лопухиной едет в Петербург, где занимает должность генерал-прокурора, которую ранее занимал брат друга царя Алексей Куракин. Впоследствии Лопухин будет препятствовать расследованию смоленского заговора, нити которого вели к «кругу молодых друзей» наследника Александра.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 15

Падение Нелидовой привело, среди прочего, и к уходу ее родственника Буксгевдена с поста Санкт-Петербургского генерал-губернатора. Этот пост в 1798 году достается будущему графу Палену (с 1799 г.). Фактически Пален за короткое время становится вторым лицом в государстве.

II. Интриги Палена

Итак, Пален развивает кипучую деятельность по подрыву власти императора. Павел уже лишился почти всех наиболее доверенных союзников, осталось окончательно разорвать связи императора с его кругом.

Можно выделить несколько основных направлений деятельности графа Палена:

1. Выстраивание международной линии поддержки заговора через внешнеполитическое ведомство — этим занимались Воронцов, Панин, Муравьев и госпожа Жеребцова с английским послом Уитвортом.

2. Формирование опоры в военной среде — тут первую роль играли братья Зубовы. Некоторые современники считали Палена креатурой «клана Зубовых» (получивших привилегии на закате правления Екатерины). Важными фигурами на этом направлении были Леонтий Беннигсен и адмирал Дерибас. Однако немаловажную роль в деле подготовки переворота играл наследник Александр, влияние на которого оказывал, прежде всего, Панин.

Никита Петрович Панин — русский дипломат из рода Паниных. Его отец и дядя были опорой Павла Петровича до вступления на престол. Затем уже Павел I присваивает Панину звание генерал-майора, но тот предпочитает военной службе дипломатическое поприще, вступив в члены Коллегии иностранных дел.

В 1797 году Панин получил назначение на должность посла в Берлине. Целью этого назначения, поставленной главой российского внешнеполитического ведомства Федором Ростопчиным, была работа на сближение с революционной Францией. Однако Панин, которого современники характеризовали как человека с крайним самонимием, относился к русско-французскому союзу чрезвычайно негативно и поступал вопреки инструкциям. Как и его дядя, Панин был страстным поклонником антифранцузского союза с Австрией и Англией.

Тем не менее, в 1799 году 28-летний Панин получил от Павла чин вице-канцлера.

Несмотря на имеющиеся противоречия между Паниным и Паленом (один хотел свержения, а другой — убийства Павла), петербургский генерал-губернатор понял, что именно Панин с его идеями конституционных преобразований найдет нужные слова для воздействия на наследника.

В кругах Александра активно готовился военный переворот. В Семеновском полку, связанном с наследником, работа по вербовке заговорщиков была самой простой. Историк Семеновского полка отмечал, что «офицеров Александр знал гораздо более, чем мог бы знать их сам командир полка». Именно Семеновский полк сменил стражу Михайловского замка в ночь убийства царя.

3. Устранение сторонников партии Павла. В результате несложной интриги был отстранен Ростопчин — самая сильная фигура в партии Павла. Граф Ростоп-

чин — отец идеи Русско-Французского союза, раздела сфер влияния в Европе, расчленения Турции и т. д.

4. Организация информационной войны. Распространяются слухи о кровавых жертвах павловского режима, тиражируются пророчества о скорой гибели императора (старец Авель, призрак Петра и т. д.).

Существует несколько «знаковых» эпизодов, которые иллюстрируют эпоху Павла I. Например, дело штабс-капитана Кирпичникова, который 2 мая 1800 г. за оскорбительные слова в адрес ордена св. Анны (как говорили злые языки, названного так в честь фаворитки Анны Лопухиной) получил 1000 палок. Такие эпизоды использовались заговорщиками в информационной войне против Павла, они быстро обрастали апокрифами и становились частью дворянского «фольклора».

5. Но, наверное, самый главный ресурс Палена в деле дискредитации императора — это сами действия императора Павла.

Так, например, факт возвращения на военную службу Беннигсена и братьев Зубовых удалось «растворить» в широком жесте царской милости, приуроченном к четырехлетию правления. В связи с большим праздником Пален подготовил списки чиновников и военных, ранее отстраненных от должностей, для помилования.

Пален писал о том, как ему удалось мобилизовать офицерство на заговор: «Я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучил Беннигсена и Зубовых, необходимых мне, и 2) еще усилил общее ожесточение против императора. <...> Вскоре ему опротивела эта толпа прибивающихся; он перестал принимать их, затем стал просто гнать и тем нажил себе непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голоду у ворот Петербурга».

Итак, благодаря усилиям Палена и Кутайсова, в 1800 году Платон Зубов вернулся из опалы и получил должность директора 1-го кадетского корпуса. Николай Зубов стал шефом Сумского гусарского полка, а Валериан Зубов — 2-го кадетского корпуса.

Граф Ланжерон оценивал помощников Палена в организации заговора таким образом: «Насчет Беннигсена и Валериана Зубова Пален прав; Николай же был бык, который мог быть отважным в пьяном виде, но не иначе, а Платон Зубов был самым трусливым и низким из людей».

Все это происходит за несколько месяцев до убийства. Столица наводнена озлобленными военными. Главные заговорщики находятся в столице и приняты к двору. Сторонники Павла изолированы.

III. Попытка контрудара

Есть основания предполагать, что Павел знал и о готовящемся свержении, и о круге заговорщиков. Для нейтрализации этого круга им было осуществлено несколько шагов.

За месяц до покушения он приглашает в столицу племянника императрицы принца Евгения Юртембергского. Принца встретили неожиданно пышно, несоразмерно его династической и политической значимости. Некоторые исследователи утверждают, что Павел намеревался выдать за Евгения свою старшую дочь Екатерину и тем самым поставить под вопрос права Александра на престол.

Заговорщики тиражировали фразы Павла о некоем «возвышении Евгения» и готовящемся «ударе» по семье и приближенным сановникам.

Кутайсов так описывал обстановку: «Этот великий удар состоял в заточении императрицы в Холмогоры, отстоящие в 80 верстах от Архангельска; место дикое, пустое, где несчастная фамилия Ульриха Брауншвейгского томилась в продолжение долгих лет. Шлиссельбург должен был служить местом заключения великого князя Александра; Петропавловская крепость была назначена великому князю Константину. Пален и некоторые другие должны были погибнуть на эшафоте».

Сохранившийся документ от 21 февраля 1801 г.:

«Нижеподписавшийся вице-канцлер кн. Александр Куракин, быв призван 21 февраля 1801 года Его Императорским Величеством, имел честь стоять перед лицом его в Михайловском замке и в почивальне его и удостоился получить изустное объявление, что в скором времени ожидается рождения двух детей своих, которые, если родятся мужеска пола, получат имена старший Никита, а младший Филарет и фамилии Мусиных-Юрьевых, а если родятся женска пола, то <...> старшая Евдокия, младшая Марфа — с той же фамилией. А воспримником их у св. купели будет государь и наследник цесаревич Александр Павлович и штатс-дама и ордена св. Иоанна Иерусалимского кавалер княгиня Анна Петровна Гагарина».

Под документом стояли подписи старших сыновей Павла, а также Строганова, Нарышкина, Кутайсова, Куракина и Обольянинова.

Две дочери, родившиеся у фаворитки Павла камер-фрау Юрьевой, прожили совсем недолго. Но нарочитая демонстрация непристойности, унижающая императрицу Марию Федоровну, должна была показать силу самовластного правителя.

Приведенная история также станет орудием в информационной войне против Павла. Слухи, направляемые заговорщиками, широко распространяются. Так, например, эта история вошла как существенное дополнение и в хронику Гёте. Задача была в том, чтобы возбудить придворные разговоры о «перемене царицы».

Однако самым опасным для заговорщиков знаком грядущей расправы является вызов в столицу двух ранее опальных генералов. Эти две фигуры — Аракчеев, бывший военный генерал-губернатор, и Линденер, недавний руководитель следствия по «смоленскому делу». Заговорщики могли увидеть в этом шаге грядущую замену Палена и новый виток расследования заговора.

Утверждали, что Пален перехватил фельдъегеря, отправленного за двумя генералами. Кроме этого, он разослал приказы по заставам — никого не впускать в город.

Линденер и Аракчеев должны были осуществить арест заговорщиков. Имеется свидетельство, что за генералами и в самом деле посылали.

Адъютант Линденера А. А. Кононов, писал в своих воспоминаниях: «В марте 1801 года Линденер с новыми надеждами, с новыми планами ехал в Петербург».

По пути к столице он узнает о кончине императора и отправляет письмо Александру I: «Моя преданность к родителям

Вашего Императорского Величества сделала мне много врагов в России; прошу всеподданнейше уволить меня от службы и разрешить вернуться на родину». Отставка и паспорт не замедлили. С этой же станции Линденер уехал в Пруссию, не выдавшись даже с женою, которая до преклонных лет жила в своей деревне Воронежской губернии».

Как мы видим, удар по заговорщикам запоздал на считанные дни. Павел мог одержать победу в политической войне. Однако противники оказались более многочисленны, организованы и расторопны. Пален сумел нейтрализовать все сильные фигуры Павла и собрать разрозненные силы заговорщиков.

Но ведь для того, чтобы Пален — «технический директор» такого сложного предприятия, как заговор против императора, — смог приступить к работе, выполнить ее, а потом беспрепятственно удалиться доживать свой век в провинцию, необходима долгоживущая элитная система, осуществившая прикрытие. Это соображение подводит к гипотезе о том, что Пален был главной движущей силой заговора, но не был его инициатором.

Пален изначально замыслил убийство Павла I и в то же время отличался от других заговорщиков отсутствием четкого собственного мотива для убийства. Валериан Зубов или Беннигсен имели длинную историю ненависти к Павлу — укажем хотя бы на то, что успешный вывод российских войск из Персии чуть было не стоил жизни этим офицерам. И это был не единственный пункт их счета. Желание убить императора — скорее странное исключение в среде заговорщиков. Из десятков активных заговорщиков об убийстве (кроме Палена) помышляли еще двое — Беннигсен и Дерибас, который не дожил до финала.

Странность видится тут в том, что, с одной стороны, Пален внезапно, на краткий момент появляется на высших государственных должностях, с другой стороны, он изначально нацелен на убийство.

Его не интересует установление регентства над «безумным» Павлом. Между тем, Пален — богатейший человек страны, он не является выгодополучателем от убийства императора (да и деньги англичане сулили сестре Зубовых Жеребцовой, а вовсе не Палену). Он не имеет планов изменений государственного устройства. Разговоры о конституции его интересуют только в том смысле, что эта тема близка наследнику. Он подчеркнuto не дает обнаружить свои идеологические пристрастия. В отличие, например, от высокомерного Панина (англофил, по прозвищу «Римлянин»), который после убийства отправится в изгнание и будет до конца жизни заниматься алхимией в своем поместье. Эти признаки заставляют предполагать, что его интересовала одна конкретная цель, к которой он шел два года.

Далее мы продолжим исследовать эту долгоживущую элитную структуру, которая обеспечила возможность запуска процессов, приведших к кардинальным изменениям во внутренней и внешней политике России.

Павел Капустин